

НОВЫЕ
ГЕРОИ

НАШ ЧЕЛОВЕК
ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

ВЯЧЕСЛАВ КОРОТИН

ПОПАДАНЕЦ
СО ШПАГОЙ

Вячеслав Юрьевич Коротин

Попаданец со шпагой

Серия «Попаданец со шпагой», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6527578
Вячеслав Коротин. Попаданец со шпагой: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-69034-3

Аннотация

Талантливый химик и спортсмен-фехтовальщик Вадим Денисов вынужден зарабатывать на лечение сына участием в боях без правил. Судьба бережет его в кровавых поединках, но только для того, чтобы однажды во время рыбалки забросить в... 1810 год. Сам того не желая, Вадим становится гостем провинциального русского помещика, отставного подполковника Белозёрского мушкетерского полка. Пришлось Вадиму выдать себя за подданного Российской империи, но родившегося в Америке. А как еще объяснить свои необыкновенные для XIX века знания? Ведь он не собирается сидеть сложа руки и ухаживать за прелестной помещичьей дочерью. В отличие от своих гостеприимных хозяев Вадим прекрасно знает, что до нашествия Наполеона осталось всего два года...

Содержание

Арена. Кровь на клинке	4
Картина Репина «Вынырнул!»	17
Вот это занесло!	33
Обживаюсь	49
Деревенский детектив	65
Из детектива в триллер	94
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Вячеслав Коротин

Попаданец со шпагой

Арена. Кровь на клинке

– Дурак ты, Вадик. – Мой друг и «брат по оружию» Витька Маркович смотрел на меня как на дебила в третьем поколении. Ну, мог себе позволить – он в свое время угадал с профессией.

Да нет, я на свою не жалуясь, я делаю то, что люблю и умею делать хорошо. И профессия у меня одна из самых нужных и важных по большому счету. Только государство считает несколько иначе.

– Это почему же?

Блин! Я ловлю себя на том, что заискивающе заглядываю ему в глаза. Но я ведь и не ждал положительного ответа, я просто хотел «поставить галочку» – вот и попросил.

Перед кем «отчет о галочках» предьявлять? Перед женой? Перед своей совестью?

– Вадь, поверь: дам я тебе эти деньги. Вот честное слово – дам. Сделают твоему Темке операцию. А дальше?

– Что «дальше»?

– Вот ни хрена ты дальше своего носа не видишь. Сделают ему операцию. Сделают хорошо. Он что, встал и пошел?

Ты представляешь, во что тебе реабилитация обойдется? А у тебя квартира не в кредит ли куплена? А ты сколько, извини за совковский вопрос, получаешь? Ну ладно, я тебе на сына дам и своим внукам получить долг завещаю, но толку-то? А? У тебя-то внуков не будет. И не смотри на меня так. НЕ БУДЕТ!

Твой сын после самой удачной операции (которую я, конечно, оплачу – мы братья больше, чем по крови, и я тебе чуть ли не жизнью обязан) не проживет больше месяца. Так? Так, папаша?

Я сжался и почти физически чувствовал, как по башке бьют дубины Витькиных аргументов.

– Как будто у меня есть выбор! На органы продаться?

– Ты не психуй. Выбор всегда есть.

– Типа на органы?

– И снова дурак! Сейчас время такое, что можно нарубить бабла на самом неожиданном.

– Это на чем я могу «нарубить»? Взрывчатку производить? Наркотики? Ты об этом?

– Да пошел ты, ненормальный, со своими поползновениями! Вспомни, что ты умеешь делать хорошо, а?

– Ну, химия...

– Не придуривайся!

– Неужели кораблики мои любимые, но за это фиг с два где заплатят.

– Совсем сдурел? Какие кораблики? Ну ладно. Что ты

умеешь лучше меня?

– Ты про женщин?

– Так! Пошел ты на хрен! Разбирайся сам со своими проблемами...

– Вить! Ну, извини! В самом деле, не врубаюсь, что я умею лучше тебя. Ну, фехтую лучше, но ведь ты не это...

– Это, черт побери! Именно это! Именно этим ты можешь заработать больше, чем весь твой педколлектив! За один бой больше, чем все они, вместе взятые, за месяц. А?

– Что-то я не пойму...

– Да тут и понимать нечего – гладиаторские бои, в натуре. Ставки – охереть не встать! Пару боев – и ты меня можешь деньгами одалживать.

– Слышь, ты че несешь? Это людей за деньги убивать?

– Да, солнышко! – Витька презрительно прищурился. – Да! Ты не в сказке живешь. И не в Союзе Социалистических Республик. Добро пожаловать в мир волчьих законов. Ты, так твою, хочешь сына спасти? Какого черта кочевряжишься? Химия твоя на хрен никому не упала! А вот на арене можешь порвать сейчас всех и сразу. За деньги, которых ты не видел всю свою жизнь. Ты же мастер! Кто сейчас против тебя может дернуться?

– Ты обалдел? Ну, я мастер. Но мастеров круче моего только в нашем городе трое. И сравнимых пятеро.

– Вот уж на их счет можешь не беспокоиться. С ними тебе встретиться не придется. На арене будет предостаточно

влюбленных в японский стиль и «средневековцев».

– И откуда у тебя такая уверенность?

– А самому подумать? Ну кто из мастеров полезет жизнью рисковать? Ромка Заборовский? Владик Поликашин? Колька Дворко? Кто? Они ведь по жизни упакованы так, что ни тебе, ни мне не снилось. Кендоистов боишься?

– Да никого я не боюсь. И убивать тоже никого не хочу. Что, просто фехтовать нельзя?

– О чем разговор – можно. За бесплатно. То есть не совсем: нужно будет заплатить за аренду, аппараты... Твою мать! Ты в каком мире живешь? Ничего тебе тут бесплатно не дадут! Вообще ничего. В общем, так, Вадька, вот тебе чек на лечение Темки и вот номер телефона того места, где ты сможешь стать мужчиной, а не «тварью дрожащей». Я для тебя сделал что мог. Решай сам...

...Конечно, я позвонил. И не только позвонил, еще и поехал по предложенному адресу. Жене, естественно, ничего не сказал. С меня взяли расписку об отсутствии претензий в случае моей кончины. К чести организаторов, тут же перечислили неплохую сумму на счет моей жены. И проводили в оружейную. Выбор оружия был за мной.

Никогда не видел такого многообразия холодняка. Но необходимо было сделать правильный выбор. Я совершенно фиолетово относился к ударному оружию, с легким презрением прошел мимо восточного и остановился перед набором шпаг и сабель.

Конечно, шпага! Прямой клинок и приличных размеров гарда.

Будет поединок. А шпага именно оружие поединка. Это узкоспециализированное оружие – оружие для двоих. Для меня и для соперника.

Выбрав клинок, подходящий по весу и балансу, я прошел (вернее, меня провели) в коридор ожидания. Пришлось около сорока минут дожидаться своей очереди на бой. Наконец позвали.

Распорядитель выпихнул меня на арену, где уже гоголем расхаживал какой-то парень, совершенно российской внешности, но при этом интенсивно пытавшийся из себя корчить восточного воина.

По команде мы заняли исходные позиции. Прозвучал гонг.

Я не поверил своим глазам, когда соперник с воплем ринулся вперед и попытался своим клинком цапануть мои ноги. Я элементарно парировал это двумя шагами назад и тут же показал нахалу, что могу контратаковать. Тот ушел от демонстрации контратаки и вроде бы остепенился.

Но только «вроде бы» – непонятно над кем одержанные победы вдохновили его «самурайский» дух, и он опять перешел в атаку. Сталь катаны свистела в сантиметрах от моего туловища, и я понял, что долго играть дистанцией не получится – арена не бесконечная.

Мне надоело разыгрывать из себя Мать Терезу. В конце

концов, парень знал, на что шел. И убил бы меня, не задумываясь.

Он вызывающе помахивал своей катаной и ждал моей атаки. Ага! Щазз! Вот все брошу и полезу напрямик! Прямо под твой удар. Но несколько показов, чтобы отыграть пространство, пришлось сделать. Соперник отступил, но было видно, что снова планирует атаковать.

Хотя терпеливый, сцуко! Сам не лезет.

А сымитируем-ка мы атаку... На... Наааа!

Парень отпрыгнул, и было видно, что он слегка озадачен. Успел, гаденыш, увидеть, как кончик моего клинка сплясал в нескольких сантиметрах от его глаз. Такое впечатляет. Наверное, занервничал, раз начал делать глупости: стал атаковать сам. Явно ему хотелось поскорее развязаться с нервным напряжением, которое я ему обеспечил. Катана дважды просвистела возле моего живота. Но вечно такое хамство продолжаться не могло. Я понял, что если не убью сам, то убьют меня. Мало того что умирать просто не хотелось, но быть убитым таким... мягко говоря, недалеким «фехтуном» было еще и унижительно.

В общем, проткнул ему горло на противоходе, даже не поцарапавшись.

Просто получилось в горло – специально не выцеливал. Могло быть и в глаз, и под ключицу... Так попало.

Трудно описать ощущения, когда твой клинок входит в живую плоть... Да лучше и не надо. И выражение лица, ко-

гда он еще только начал понимать, что сейчас умрет... И не только понимать. Видеть хлещущую из горла кровь и чувствовать, как из него уходит жизнь...

И я на это смотрел. А публика орала и аплодировала.

Я убил в первый раз, это было непросто, но в тот момент мне казалось, что если бы сейчас на арене появилась бы даже одна из женщин, восторженно ликовавших по поводу хлещущей из того кендоиста крови, то я запросто распорол бы ее шпагой со значительно меньшими угрызениями совести, чем испытывал сейчас. Суки! Ненавижу!

В общем, с арены я прямиком отправился в сортир. Сблевать не получилось, хотя ком в горле стоял и желудок неоднократно делал заявления о необходимости освободиться от содержимого. Наверное, с полчаса пришлось простоять в душе, чтобы смыть с себя запах горячей крови. Ее давно уже не было на мне, не было на самом деле и того запаха, но я продолжал упорно тереть себя мочалкой...

Был уверен, что больше никогда не ступлю на песок этой арены. Никакие силы не заставят меня снова убивать ради потехи толпы... Ошибался.

Во-первых, содержимое конверта, полученного за этот бой, равнялось моей годовой зарплате на две ставки. Единовременные стартовые «гробовые», которые получила моя жена, тоже были немалой суммой...

В общем, через неделю я снова позвонил и сказал, что согласен повторить... Можете считать меня мерзавцем и нелю-

дем, но сначала сами побывайте в моей шкуре. И получите такое предложение... Хотя вы правы. Дурак я и сволочь. И самооправдание по поводу того, что я выхожу на бой не с обычными людьми, а с тем, кто сам готов убивать за деньги, это достаточно наивная отмазка.

...Так я стал Шуриком. Распорядитель придумал мне такую кличку для арены. Не какой-нибудь там Терминатор или Черный Ворон, как было у большинства моих визави... Я выходил в очках. Единственный из всех. И имя трогательного и смешного героя Александра Демьяненко смотрелось на арене оригинально (и первое время провоцировало зрителей делать ставки против смешного очкарика).

Даже не интересовался, что это были за ставки (в смысле сколько было в деньгах), но вход на бои для зрителей стоил от тысячи долларов (моя квартира была взята в кредит за семь). Зрители были обязаны появляться только в масках, которые им выдавали... Да фиг его знает, где и в какой момент выдавали. И подозреваю, что среди этих самых зрителей было немало тех, кто, пуская слезу, вещает с экранов телевизора о справедливости и гуманизме.

Потом было еще четверо на протяжении месяца: сначала дуболом с кавалерийским палахом (пацанам нравятся большие штуковины), потом еще один «самурай» с катаной, парень с секирой и «казак» с шашкой. Вот последнего было жалко по-настоящему – он явно немало времени посвятил овладению этим красивым оружием... Театральному

овладению. Клинок очень красиво выписывал восьмерки и круги передо мной, но... немного спокойствия и выдержки. Протыкается такой смерч на раз. Действительно не хотелось его убивать. Никак не хотелось. И парень-то совсем молодой. Пришлось напрячься и умудриться всадить ему шпагу в предплечье. Получилось очень удачно – между костями у самого локтя. Трудно представить его боль, но сознание он потерял. Тянул я бой долго и был уверен, что зрители позволят ему жить.

Черта с два! Не для того они отстегивали такие бабки, чтобы смотреть на легкие раны. «Убей! Убей!..» – неслось со всех сторон... Убил. Пока тот не пришел в себя. Ну и все. Хватит об этом.

Изначально боялся одной проблемы: как объяснить Ленке, откуда взялись и продолжают братья деньги? Но все разрулилось само собой: достаточно быстро удалось найти клинику в Германии, где обещали и сделать операцию, и провести реабилитацию. Поэтому она вместе с сыном уже месяц была там, и еще два месяца их возвращения можно было не ждать. Чек, выписанный Витькой, моя супруга видела сама, а истинной стоимости всего не знала. Поэтому я спокойно переводил деньги непосредственно в клинику и уже после второго боя выплатил все, что требовалось за полный курс.

...Нас выпускали к арене, когда заканчивался предыдущий бой, и я несколько раз мог видеть, как за ноги утаскивают проигравшего и как ликует и гордо расхаживает по утоп-

танному песку победитель.

И в последний раз я заметил, что победитель не особо горд... И он – со шпагой... Серега! Горский! Какого черта он тут делает? (Идиотский вопрос самому себе – а то я не видел, что он тут делает.) Он меня, естественно, не заметил, а вечером я позвонил старому другу и предложил встретиться за пивком.

Сергей не особенно изменился, только в его иссиня-черных когда-то волосах было огромное для тридцатилетнего мужчины количество седины. И в глазах этого, некогда веселого и искрометного парня явно просвечивали боль и тоска.

Пристроились в парке, в кафе под открытым небом – благо погода позволяла. Заказали пиво с сухариками. После банальных: «Как дела?» – «Нормально, а ты как?» – разговорились, повспоминали нашу спортивную молодость, обменялись несколькими анекдотами, но некоторая натянутость чувствовалась: я никак не мог начать разговор о том, о чем собирался, а Сергей не мог понять, чего это меня вдруг на общение потянуло – годами встречались только на могиле тренера.

– Слушай, Серега, – мне надоело выискивать повод перейти к основному вопросу, – ты давно на боях?

Собеседник удивленно вскинул на меня глаза и стал усиленно пытаться изображать на лице нечто, по его мнению, являющееся удивлением и возмущением.

– Брось! Я тебя там видел. И не думай, что собираюсь ве-

сти с тобой душеспасительные беседы – сам в крови по уши. Пять поединков. А у тебя?

Н-да. Оглоушил я его здорово. Пытаясь собраться с мыслями, Сергей с трудом выдавил из себя:

– Три. А ты как там? Ведь это что получается? Мы могли с тобой...

– В том-то и дело. Могли. И эти гниды не успокоились бы, пока один из нас не убил бы другого. И теперь нет никакой гарантии, что однажды так не произойдет. Как тебе перспективка? Ведь идея-то на поверхности: «Вон как эти шпажисты режут других. Не свести ли их друг с другом в каком-нибудь «праздничном поединке». Кого-нибудь еще из наших там видел?

– Никого.

– Ну, хоть это хорошо. А как тебя занесло туда?

– Как? – Горский пытливо посмотрел мне в глаза. – Навернуть тебе про «двух тузов на мизере» или банальщины хватит?

– Оно тебе надо – звиздеть? Я же не следователь. Хочешь, могу и свою историю рассказать. И я не об этом. Понятно, что не от хорошей жизни... Ну, ведь не давал же ты объявления в газеты: «Готов биться насмерть за хорошее бабло...»

– Ах, ты об этом... Витька адресок подсказал.

– Маркович????!! Он???

– Ну да. – Серегино лицо стало приобретать осмысленное выражение. – Так что, и тебя тоже он?

– Ну, скотина! Ну, тварь! Мало ему своего бизнеса, так он еще и на вербовке таких, как мы, идиотов подрабатывает!

– Почему подрабатывает? Насколько я знаю, это его второй бизнес и есть.

Ай да Витька! Ай да сукин сын! Ни черта себе он делишки крутит. «Брат по оружию», мать-перемать! Значит, мы для него «сырье». Дорогостоящее, правда. Не так уж и задешево он меня на арену заполучил. Но уж вряд ли сам в накладе остался. Хотя и рисковал...

– Серег, все-таки, если не секрет, а чего тебя поперло в эту авантюру? – Я не особо надеялся на искренний ответ, но Сергей после второй кружки был не особо закрыт для общения. Скорее наоборот – ему хотелось хоть кому-то выплеснуть свои эмоции.

– Ты помнишь, почему я ушел из фехтования? Пока учился в универе – занимался, учился в аспирантуре – занимался. Диссертация, блин! Ночевал в лаборатории. И ведь не зря все было – пусть не новый суперэффект, но ведь и не дерьмо в криостате. Шикарные результаты... Ага! Вот те нате – хрен в томате. Перестройка, мать ее! Все темы, не имеющие отношения к «процветанию народного хозяйства», задробили. А потом... Сам небось знаешь, что в нашем институте теперь торговый центр. И кому я нужен? Нет, существовал потихоньку. Благо семья отсутствует... А тебя-то как угораздило?

Рассказал я ему и свою историю. Помянули матом Витьку

и разошлись.

Но я уже совершенно окончательно для себя решил, что на арену больше не выйду. Хватит! Дальше уж как-нибудь и на зарплату проживу. И вообще, пора расслабиться. Отдохнуть.

Картина Репина «Вынырнул!»

Перламутровое небо обещало отсутствие сюрпризов и нормальный клев. Приехал я на автобусе. Вот как-то с юности не задались отношения с автомобилями, и хоть права номинально у меня имелись, но машину я не чувствовал: или я в кого-то врежусь, или в меня. Ну его на фиг. Не за себя даже боялся, а за тех, кого везу. Поэтому изначально уступил в свое время руль жене. А сейчас хватило и автобуса для того, чтобы приехать на озеро, где еще пацаном отводил душу охотника за рыбой. Честно говоря, не за трофеями приехал – поест ущицы из свежевывловленной рыбки да на костре приготовленной... А если повезет, то и вообще тройную уху забавать получится.

Дурдом, конечно, ехать за двести километров, чтобы ухи поест. Да еще и без компании. Да еще и без... Неа! С ней, родимой. На рыбалку в одиночку, да еще и без водки – это особо извращенный вид мазохизма.

Вот уж чего я не боюсь, так это шлепать пешкодралом на почти любые расстояния. Особенно когда видишь цель – тот самый бережок того самого озера. Где шелестят камыши (или как там по науке называется этот тростник).

Та самая полянка. Та самая бухточка. Ностальгия по... (Да знаю я, что ностальгии по... не бывает. Что ностальгия – тоска по родине и ТОЛЬКО ПО РОДИНЕ.) Но как прика-

жете описать то, что нахлынуло и навалилось в данный момент? Чувство, накрывающее с головой, когда ступаешь на бережок, на который тебя, еще совсем мелкого пацана, приводил дед. Все-таки ностальгия. Ну не придумали до сих пор слова, более точно отражающего эти самые ощущения.

Несколько минут потребовалось, чтобы поставить палатку (хвала изобретателям этого полукилограммового чуда, на установку которого нужно именно столько времени).

Еще с четверть часа ушло на притаскивание дров к непременно костру. Ну и все. Теперь мой первый поплавок уже гордо реял над водной гладью. Недолго. Я еще даже наполовину не успел наладить тяжелую удочку, как он уверенно заскользил в сторону и первый окушок заплескался в моем садке.

И так далее. Уж чего-чего, а «сорной рыбки» в этих местах всегда хватало. Плотвичка, окуньки, ерши и подлещики так и лезли на крючок. Уха намечалась знатная. Забросил еще и пару донок: одну – на выползков, вторую – на живца. И сработали обе: сначала задергался кончик той, которая была с червем. Я уж думал, что пятикилограммовый лещ попался. А оказалось – угорь. В килограмм весом. Его я в садок не выпускал – известный номер, раздвинет рылом сетку, и поминай как звали. Специально кукан делать пришлось – жил дальше на веревочке.

А на живца клонул судак. Хороший такой, полуторакилограммовый. Особой борьбы с рыбой не было – тупо выволок

на берег катушкой. Даже обидно. Так ведь и не трофейные были экземпляры.

Темнело, и в котелке весело булькало мое варево. Уже отправилась в отстой всякая мелочь, отдав свои соки в бульон, уже становилась мягкой картошка, уже готовились к своему последнему плаванию кусочки угря и судака. Налита в котелок та рюмка водки, которой нужно оказать ухе уважение. (А что поделать – традиция.) Накрошены зелень и чеснок... Еще минуты... Готово!

Знаете ли вы, что такое настоящая уха? Если вы не ели ее на берегу из котелка, только что снятого с костра... Вы вообще не ели ухи. И я вас искренне жалею.

Ничего общего не имеет НАСТОЯЩАЯ УХА с тем рыбным супчиком, который готовится дома даже из свежевыволвленной рыбы.

Да еще и под водочку... Сказка!

В общем, спать я пошел в самом что ни на есть благодушном настроении... И проснулся в таком же.

Теперь пора было вспомнить еще один, давно забытый навык. Но сначала – чаю.

...Вода нежно обняла входящего в нее меня. Поворот, нырок – и я заскользил по глади озера, вглядываясь в то, что творилось на дне. А ничего там не творилось: стайки плотвичек, щучка, гоняющая эту мелочь, не более. Да я здесь и не ожидал ничего серьезного. Серьезное – там. На границе травы и чистой воды, именно в таких местах стоят в засаде

щуки и щурята, именно там роют рылом ил золотистые линии. Как раз они и есть самые обычные трофеи подводного охотника. Вот эти рыбки мне и были нужны. И я не ошибся в своих прогнозах: пара щук и три линя, общим весом под восемь килограммов, уже тянулись за мной на кукане. Хватит. Взял курс на свою бухточку и спиной вперед вышел на пляж.

Что-то здесь было не так. Не знаю, что, но явно ощущался какой-то дискомфорт. Снял ласты, сбросил на песок маску с трубкой, ну и кукан с рыбой соответственно... Неа, не проходит. Вот что-то не так, и хоть застрелись!

Вроде все как было. Палатка, кострище, удочки... Что не так? Вот мой комбез, рюкзак, расстеленный спальник, сигареты на нем, очки... Очки!

Я ведь вижу как в них! Даже лучше! Что за черт?

Елки-палки! Я же эту одинокую сосну на противоположном берегу и в очках с трудом различал. Ни фиги себе – святая водица! Открыть, что ли, фирму «Возвращение близоруких в мир зрячих»? Не, бред какой-то. И главное, продолжало раздражать что-то еще. И совершенно непонятно что?

И вдруг стало ясно – язык. Да-да, мой собственный язык упорно сигнализировал, что во рту творится непорядок. Я только сейчас осознал, что все зубы, все тридцать два, находятся на месте. Все. Вместе с вырванными в разные годы. И пломб – ни одной.

Бред. Но факт. Или я сплю?

Грех жаловаться – мать-природа, заодно с моими родите-

лями, в свое время постарались на мой счет: срубили топором, но то, что срублено, закрепили нехилыми гвоздями. Не помню, когда последний раз простужался всерьез.

Правда, по поводу внешности своей на первых порах отрочества комплексовал: большеносый, тонкогубый... А девочки-сверстницы предпочитали смазливых нежнолицых мальчиков.

Потом, правда, все устаканилось: уже в юности имел полный успех у противоположного пола, не понимая, что во мне находят девицы. Ну да, знаю, что высокие и длинноногие у них в цене. А без длинноногости в фехтовании я бы ничего и не поимел – совершенно не демократический в этом отношении спорт.

Кстати, и проблемы в связи со шпагой тоже появились – представьте: несколько часов в день в одной руке почти килограммовое оружие, а вторая типа отдыхает. Ну, и приобрел дельтовидную мышцу на правом плече такую, что мама не горюй, а на левом – обычная. Смотрелся на себя в зеркало и ужасался. Плечи просто от разных людей.

Помогло несчастье: сломал ногу и за полтора месяца на костылях выравнивал плечи запросто.

С волосами тоже нормально – даже Ленка завидовала. Темные и густые до сих пор, а ведь сколько моих сверстников уже с залысинами и сединой...

Одна проблема всегда напрягала. В смысле две: зрение и зубы. Со вторым особенно после армии лихо пришлось – там

ведь как было: только дернешься, когда врачаха в зуб буром залезет, – сразу мышьяк туда, а потом, не заделав канал, цементную пломбу сверху. Ну, а такая долго не держится – не серебряная амальгама, блин. В результате после дембеля за два года два зуба выдрали. А недавно и третий.

И вот мне вернули здоровье по полной. Дурдом какой-то. Машинально ткнул себя в руку дымящейся сигаретой и зашипел от боли – не сплю. Да что же за черт? Неужто какая-то добрая душа прямо на заводе в водку ЛСД подсыпает?

Еще раз внимательно осмотрелся: та самая поляна, все как было. Противоположный берег... Мать-перемать – ЛЭП пропала! Там ведь шла высоковольтная линия. Нет!

Что за ахиня? Я рухнул... этой... словом, сел на песок и обхватил голову руками. То, что ворошилось сейчас в моей голове, назвать мыслями было нельзя – сплошная мешанина эмоций. Нет, все ерунда, даже ЛЭП, даже вернувшаяся зоркость, **НО ЗУБЫ!** Я, уже не доверяя своему языку, ощупал полость рта пальцами – на месте! Все! И тот клык справа наверху, который мне выдрали восемь лет назад. Ну что, быстро домой и к психиатру?

– Эй! Ты кто такой? – Звонкий девичий голос заставил вздрогнуть и оглянуться.

На краю поляны стояла девушка из «раньше». В темно-синем платье для верховой езды (я в костюмах того времени не разбираюсь, но в руках она держала стек), в шляпе того же цвета с белым плюмажем.

Кино, что ли, снимают?

Но в комплексе с предыдущими непонятками, вопреки всякой логике и здравому смыслу, в голове забрезжила мысль... Да нет! Не может такого быть! Ерунда какая-то!

— Ты что, немой? — Девушка явно не была испугана и держалась вполне уверенно. — Отвечай!

— Ддобрый день! — сумел выдать из себя я и только начал соображать, что стою перед незнакомкой в одних плавках. — Извините!

Сразу попасть ногами в штанины комбинезона не получилось. Девица с легким удивлением смотрела, как я напяливаю свой в зелено-коричневых разводах комбез, и нетерпеливо притоптывала ножкой.

А ведь хороша! Нет, по меркам конца двадцатого века, она никак не походила на модную топ-модель — не высокая, не длинноногая, но такая... ладная, что ли. Сколько раз убеждался, что женская красота бывает бесконечно многоликой. И совсем зря пытаются втиснуть ее в какой-то дурацкий стандарт. Ведь главное не то, чтобы... Да бес его знает, что главное. Главное, чтобы глаз радовался. И здесь с этим все было в порядке.

— Кто ты такой?

— Простите, сударыня, я не совсем понял вопрос. — Наконец-то я вжикнул молнией, застегнув костюм почти до горла. — Вас интересуют мои фамилия-имя-отчество, профессия или еще что-то?

Удивленный взгляд в ответ. Судя по тону, она несколько изменила свое мнение о том, как вести со мной беседу.

– Вы дворянин? Тогда что за странный наряд? И что вы делаете на чужой земле?

Вот екарный бабай! Во влип! Ну и как теперь выкручиваться? То, что придется подстраиваться под старину, очевидно. Не завраться бы...

– Вадим Федорович Демидов. – Личико барышни слегка скривилось от упоминания такой посконной фамилии. – Из Поляковых, если слышали о моей родне.

– О! Разумеется, – сразу просветлела моя собеседница. – А почему к нам не заехали сначала? Я вас за браконьера приняла. И наряд такой странный... И этот шатер...

Н-да. Выкручиваться теперь будет еще сложнее. Черт! Где же я? Вернее, когда? Да и где – тоже интересуется. Мягко говоря.

– Понимаете... Простите, а как вас величать?

– Анастасия Сергеевна. Сокова.

– Так вот, Анастасия Сергеевна, я люблю удить рыбу. Понимаете, не ловить сетями, а именно удить. (Вроде бы этот глагол уже должен быть в ходу.) Мне неважна масса (блин! ну на фига такое умное слово) улова, я хочу именно перехитрить каждую отдельную рыбку и вытащить ее на берег. И съесть. Ну, это как своеобразная охота, которую я, кстати, не люблю.

– Какой вы странный... Не любите охоту?

– Не люблю. Может быть, я и действительно странный...

– Это мягко говоря, – улыбнулась Анастасия. – Но откуда у вас такой необычный наряд?

– Да понимаете, все ради того, чтобы...

– Настя! Ты где?! – на «сцене» появился еще один персонаж. Пацан, лет этак пятнадцати, заявился на берег, ведя в поводу двух лошадей. – Кто это?

– Демидов. Вадим Федорович. – Я сразу взял быка за рога, чтобы не повторять ту невнятку, которая происходила за несколько минут до этого. Хрен его знает, «в куда» и «в когда» меня занесло, но проблемы нужно решать по мере поступления.

Парень с удивлением разглядывал меня и мой прикид.

– Кто вы, сударь? – высокомерно выдавил он из себя.

– Я уже представился. Соболаговолите назвать и свое имя. – Я оборзел по полной, но твердо знал, что нельзя давать слабинку в таких ситуациях.

– Соков. Алексей. А где ваша шпага?

Вот только этого гонористого мальчишки мне и не хватало!

– Алексей Сергеевич, вы, я смотрю, тоже без шпаги.

– Я на своей земле, моя шпага в нескольких верстах отсюда, и я всегда могу взять ее в руки, когда в этом возникнет необходимость. А вы, как я смотрю, путешествуете. Очень подозрительно это выглядит.

– Прекрасно понимаю ваши сомнения, но, увы, не могу

дать каких-то внятных пояснений. Если сомневаетесь в моем умении действовать шпагой, то могу доказать, что вы ошибаетесь. Давайте возьмем вот эти удилища, и я довольно быстро докажу, что владеть оружием умею.

– Дуэлировать на палках? – Лицо молодого человека презрительно скривилось. – Еще чего не хватало! Такие забавы подходят только для холопов. И все же: вы вдали от своего дома, у вас нет шпаги, и вы требуете, чтобы к вам относились как к дворянину?

– Ничего я не требую: меня спросила Анастасия Сергеевна – я ответил. Верить мне вы не обязаны.

Тут в наш диалог вмешалась девушка. Вернее, превратила его в другой диалог. С братом. На, черт побери, французском. И стоял я дурак-дураком, слушая эти, несомненно, очень фонетически красивые переливы совершенно неизвестного мне языка. Когда же Анастасия, повернувшись ко мне, вероятно, предложила вступить в разговор, то осталось только развести руками.

– Прошу прощения, но по-французски я не говорю. Английский и испанский мне знакомы, а вот язык великого Вольтера совершенно чужд.

– Вы не говорите по-французски??? – округлились глаза у девушки.

– Увы. Не было случая в жизни с ним столкнуться. Может, если вы послушаете мою историю, станет яснее.

– Да, конечно, рассказывайте.

– Присаживайтесь... Ох, извините, некуда. Алексей Сергеевич, Анастасия Сергеевна, извините. Ни в коем случае я не собирался нарушать границы ваших владений. Можете меня выслушать, не перебивая?

Анастасия, с любопытством посмотрела на меня и кивнула, ее брат кивнул значительно менее дружелюбно.

Да гори оно все огнем! Кажется, я действительно попал. Словно в каком-нибудь фантастическом романе. Идиотизм, но с этим приходится считаться.

– Я никогда не был в России. Из Америки приехал, это в Новом Свете, штат Орегон, слышали? Там переселенцев русских много, живем уже лет сто, по обычаю предков. И не только русские: поляки есть, испанцы, англичане и французы. Со всего мира люди, а еще, разумеется, негры и индейцы. Я решил на месте не сидеть, отправился путешествовать. Объехал полмира. Даже в Китае побывал. Кстати, большинство этих необычных предметов именно оттуда. Я понимаю, что поверить в подобное сложно, но это так. Анастасия Сергеевна, Алексей Сергеевич, ну посмотрите, из чего сделана моя палатка, моя одежда, моя удочка. Посмотрите на мое подводное снаряжение. Да-да, на эту стеклянную маску в резине, на резиновые ласты, на ружье для охоты за рыбой... Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

– Это ружье для охоты за рыбой? – Алексей удивленно ткнул пальцем в мой арбалет. – А зачем за ней охотиться?

– Давайте сейчас не будем об этом.

– Шелк вашего шатра действительно странный. А ваша одежда из того же?

Да черт с ним со всем! Какой сейчас год? Так. Врем дальше:

– Понимаете, со мной приключилась странная история. Наверное, от зелья, которое в Китае мне дал местный знахарь. Я недавно тяжело заболел в дороге, и именно на такой случай и было предназначено то лекарство. Помогло, но я забыл все, что было с того момента и до вчерашнего дня. Как я добирался до России, совершенно вылетело из памяти. Я не представляю, где нахожусь и даже какой сейчас месяц.

– Июнь, – машинально ответил мне Алексей, но стал смотреть с еще большим подозрением.

Вот спасибо, много мне это дало – сам вижу, что лето. Год-то какой? Хоть десятилетие? Жаль, что он не в военной форме – хоть приблизительно можно было бы сориентироваться. Ну и что прикажете делать?

– А император все тот же? – закинул я удочку.

– Александр Павлович, а почему вы спрашиваете? Вы в каком году отправились в путешествие?

– Четыре года назад, – попытался выкрутиться я. Пока прошло. Но ясности не прибавилось. Надо срочно переключать внимание. – Но прошу осмотреть то, что я привез из чужих земель. Гарантирую, что многое из того, что у меня есть, вы раньше не видели. В Европе такого не найдете.

Молодые люди с готовностью откликнулись на предложе-

ние и с интересом стали разглядывать и ощупывать мое снаряжение. И если девушку в первую очередь интересовали изделия из ткани, да еще так ярко раскрашенные, то молодой человек инстинктивно потянулся к тому, что хоть каким-то боком относилось к оружию.

– А можно посмотреть, как действует ваш подводный самострел?

– Да, пожалуйста. – Я натянул резинки на стрелу ружья и выстрелил вдоль пляжа. На лице молодого Сокова явно читалось разочарование – гарпун пролетел несчастных пять метров.

– И это все? Так близко стреляет это ружье?

– Смею вас уверить, что под водой это расстояние вполне достаточное. Видите, сколько я набил рыбы за полчаса?

– Но сетями ловят значительно больше.

– Правильно. Но ведь вы отправляетесь на охоту тоже не оттого, что вам нечего есть? Вам интересно самому добыть зверя, так ведь?

– Ну, разумеется.

– И здесь то же самое. Мне интересно найти и подстрелить рыбу самостоятельно. Обхитрить и добыть ее в ее же родной стихии. То же относится к ужению. Понимаю, что вам непривычны такие интересы, но, смею вас уверить...

– Ой! Какая странная чаша, – Анастасия держала мой котелок для чая, – вроде бы металлическая, но такая легкая!

Оба-на! А вот и деньги в перспективе. Я только сейчас со-

образил, что являюсь обладателем несметных богатств. В голове быстро защелкал калькулятор: два котелка, фляга, почти все подводное ружье, каркас рюкзака, ложка... Килограмма два-три алюминия. Еще минимум полвека он будет самым драгоценным металлом на планете. Да, но ведь сельскому кузнецу это не впаришь, даже не всякий ювелир поймет, какое сокровище я ему предложу...

– Это алюминий, Анастасия Сергеевна. Металл в Европе пока неизвестный, но китайцы как-то умудряются его получать, хотя и у них он стоит очень немало.

– Так вы богаты?

– Ну, как вам сказать. Наличных денег у меня нет, а то, что я имею, остатки былой роскоши. Все золото, которое у меня было с собой, я вложил в эти удивительные вещи. Надеюсь, что на родине смогу их превратить в еще более значительное количество золота и серебра. Увы, то, что со мной произошло, серьезно спутало планы.

– И что вы планировали делать дальше? – вмешался в диалог Алексей.

– Честно говоря, еще не думал. Решил прийти в себя на этом гостеприимном берегу, а потом потихоньку двинуться по какой-нибудь дороге – куда-нибудь да приведет.

Девушка вопросительно посмотрела на брата. Тот нехотя кивнул и обратился ко мне:

– Вадим Федорович, имею честь предложить вам гостеприимство нашего дома. Наша усадьба в четырех верстах от-

сюда.

– С удовольствием воспользуюсь вашей любезностью. И постараюсь не остаться в долгу.

– Полноте. Батюшка будет рад побеседовать с человеком, столь много видевшим в мире. Обещайте нам только, что расскажете о своих путешествиях. – Глаза Насти лучились от предвкушения вечерних рассказов заморского гостя. Вот не было печали! Но приткнуться хоть куда-нибудь, чтобы собраться с мыслями, было необходимо. И желательно не в крестьянскую избу.

– Вы ездите верхом? – Алексей был уже в седле. – Сестра может прислать вам верховую лошадь.

Во влип! Ни разу в жизни не сидел в седле. Дворянин хренов.

– Увы, нет. Всю жизнь провел около моря, и палуба корабля для меня значительно более привычна, чем седло. Простите, но я уж лучше пешком. К тому же еще нужно собраться. – Я показал рукой на палатку, рюкзак и все мое прочее хозяйство.

У брата с сестрой медленно вытягивались лица, когда я за несколько минут превратил все, что они видели на полянке, в ничтожный объем, уместившийся в моем «Ермаке». Вскинув рюкзак на плечи, я вопросительно посмотрел на Соковых.

– Идите рядом с моим Пеплом, – предложил юноша, – а Настя поскачет в имение и предупредит о вас.

Ну и ладно. Не привыкать. Не такие куски пехом отмахивал.

Вот это занесло!

Уже растаял вдали цокот копыт каурого коня Анастасии, а я бодро вышагивал рядом с Пеплом и его наездником. Вроде было время собраться с мыслями.

То, что я «попал», как герои многих из читанных мной книг, было очевидно. Как мне устроиваться в этом мире? Я, конечно, крут по сравнению с местными, но в чем конкретно это может выразиться? Благо, что я не филолог и не экономист. И не программист. Химик, черт побери! Но что я сумею исходя из реалий данного времени? Лаборатории, даже школьной, у меня не имеется.

Ну ладно: что могу предложить этому миру как химик?

Всякая взрывчатка. Какая? Ну, тротил сбачаю. А детонатор? Гремучую ртуть, наверное, знают. А толуол добывают? Если да, то явно в лабораторных количествах. Мимо.

Азотка вроде бы должна быть. То есть нитровату я им обеспечу. А дальше? Бездымный порох – уже сильно следующая ступень. Смогу ли?

Вот чего смогу – так это двинуть науку. Но сначала нужно попасть в соответствующую команду. А я никто и звать меня никак.

Красители... Один только черный анилин может озолотить. Ну ладно, анилин добудем, а бихромат? Вот черт его знает, есть ли он в данной реальности. Сильно подозреваю,

что пока нет. Еще пикринка... Но как тут с фенолом, неведомо. Пока пишем в отстой.

Спички. Мысль хорошая – закрепить. Бертолетку сделаем, серу и фосфор добудем. Пока – самое реальное.

Лекарства. Про антибиотики забудем, хотя хроматографию при первой же возможности ученым местным подсушем. Йод. Это запросто, если в нужном месте оказаться и показать, что и как. Спиртовая настойка календулы не хуже. Запоминаем.

Эфирный наркоз... Перспективно, но самому такое пробовать нельзя. Запросто пациент может не проснуться – убьют к чертовой бабушке. Только – идея... Керосиновая лампа! А вот это уже тема – здесь можно срубить миллионы. Но, опять же, сначала нужно «легализоваться», получить нефть, хоть какой-то термометр. Или пока скипидар сойдет? Сговориться с каким-нибудь кузнецом и с... часовщиком, что ли? Кто будет способен сделать устройство, позволяющее контролировать длину фитиля? А! Оружейник! Но я пока никто и звать меня никак. Блин! Как бы сбавить мой алюминий сведущим людям?

Да хрен с ним, с алюминием, хоть что-то впарить папаше-Сокову при первой встрече, чтобы не сдал меня сразу в ведомство графа Аракчеева или Бенкендорфа. Вот в упор не помню, кто из них там главным был.

– Вадим Федорович! – Соков-младший явно заскучал в седле и решил скоротать путь-дорогу до родного имения бе-

седой. – Скажите, а фехтовать вас тоже научили в Китае? Вы так уверенно предложили мне поединок на удочках, что, вероятно, считаете себя мастером искусства фехтования.

– Нет, ничего подобного, школа фехтования у меня исключительно европейская. А почему вы спросили?

– Ну, меня учит мэтр Жофре, мой гувернер. Лучший учитель Орлеана, как говорят.

– Знаете, Алексей Сергеевич, я не буду пока критиковать вашего учителя как фехтовальщика, но как педагог он, вероятно, не очень хорош: вы очертя голову чуть ли не бросаете вызов незнакомому мужчине. А если бы у меня была с собой шпага? А если я бретер? Убил бы вас на поединке, и все. Уверенность в себе – это хорошо, но излишняя самоуверенность может закончиться смертью. Для вас. Рекомендую вам на будущее быть посдержанней в подобных ситуациях.

Я даже боковым зрением заметил, что молодой дворянчик нахмурился и оскорбился за своего учителя.

– А вы согласны скрестить шпаги с моим учителем, когда мы приедем в усадьбу? Хотя, может, наши шпаги для вас и непривычны.

Вот мля! Меня когда-нибудь отпустит это долбаное фехтование? Ну не хочууу!

– Если позволит ваш благородный отец, я не побоюсь скрестить оружие ни с кем. Смею вас уверить, что если научился действовать шпагой, то совершенно неважно, что у тебя в руке. Главное, чтобы оно было достаточно длинным,

но не слишком. Не кинжалом и не копьём.

– Неужели вы в Америке или Китае так научились?

– Я вам уже говорил: европейская школа. А в Америке – так там вообще фехтовать не умеют. У китайцев совершенно другое фехтование. Хуже нашего, поверьте. Ну, то есть не хуже. Оно другое. Оно для боя, а не для дуэли.

Незаметно и потихоньку мы оттопали три версты, и показалась усадьба.

Не Архангельское по виду. Но вполне... Выглядит неплохо, башенки, понимаешь... Судя по всему, на заднем плане парк рисуется. Ладно, будем глядеть, куда меня занесло.

Соков-старший встречал нас на входе в дом, перед лестницей крыльца. И нельзя было бы сказать, что его вид выражал счастье по поводу моего визита.

А старик был в порядке. Порода просто чувствовалась физически. К тому же засунутый в карман рукав сюртука заставлял понять, что перед тобой старый вояка. Суворовский офицер, вероятно. И белый крестик в петлице («Носить не снимая!») лишний раз иллюстрировал, что руку этот человек потерял наверняка в бою, а не на лесопилке по неосторожности.

– Здравствуйте. Соков Сергей Васильевич. Отставной, Белозерского мушкетерского полка подполковник. – Представление было официальным и ничего хорошего, судя по тону, не обещало.

– Демидов Вадим Федорович. Чинов Российской империи

не имею. Родился и вырос в Америке.

– Да, дочь говорила о вашем приключении...

В этот момент из дверей выпорхнула Настя. Она уже успела переодеться в светлое и, наверное, была еще более хороша, чем в тот момент, когда я ее увидел впервые.

– Папа! Это Вадим Федорович!..

– Спасибо, я уже знаю. – Хозяин усадьбы неласково посмотрел на меня и продолжил: – Мы побеседуем в моем кабинете.

Понятно. Предстояла проверка на вшивость. Причем не с восторженными детишками, а с явно умным и дотошным человеком.

Зашли в дом, проследовали по нескольким коридорам, и подполковник распахнул передо мной дверь своего кабинета. Внутри было мрачновато, но достаточно роскошно. Когда я устроился в предложенном кресле, Соков попросил меня рассказать о своей одиссее. Не предложил даже чаю. Начало не обнадеживало.

Оставалось держаться прежней версии. Я рассказал об Орегоне, путешествии в Китай, своей амнезии. Чувствовалось, что верить мне он даже не пытается.

– Сергей Васильевич, я понимаю, что мой рассказ, мой облик вызывают у вас нешуточные подозрения. Я очень необычен для этих мест, и было бы глупо пытаться показаться обычным подданным империи. Я и не пытаюсь. Моя история, возможно, для вас выглядит насквозь лживой. И мне

нечем доказать обратное. Я могу лишь убедить вас в том, что я не обычный бродяга – содержимое моего ранца в основном совершенно необычные для России и Европы предметы из, как правило, неизвестных здесь материалов. Заодно это может убедить вас, что я и не шпион. Согласитесь, глупо было бы экипировать так врага, выполняющего тайную миссию.

– Понимаете, Вадим Федорович, я нисколько не сомневаюсь, что вы можете продемонстрировать нам, российским провинциалам, вещи, которых мы в глаза не видели. Но облик ваш и ваше поведение весьма и весьма необычны. Нет, конечно, у меня и мыслей не было, что вы шпион, беглый или обычный бродяга...

– Беда, барин! – В кабинет вломилаcь какая-то тетка в крестьянской одежде. – Беда! Барышня наша...

Отставного подполковника просто подбросило в кресле.

– Что случилось, Алена?

– Ой, бедааа! Ой, горе-то какое! Барышня наша, Анастасия Сергеевнааа... – продолжала причитать баба.

– Запорю, тварь! – Лицо Сокова стало багроветь. – Что с барышней, дура?!

– К пруду она пошла, в парк. Цветок сорвать решила... А тут козюля ее ужалила прямо в ручку. Ой, горе какое!

В кресло старый вояка не рухнул, задумался не более чем на секунду.

– Доктора вызвали? Где барышня?

– Молодой господин сразу за доктором поскакал, а Ана-

стасию Сергеевну в ее комнату повели.

Отец Насти рванулся к выходу...

– Сергей Васильевич, пока нет лекаря, разрешите предложить вам мои услуги?

Он недоуменно повернулся ко мне.

– Вы врач?

– Нет, но в Америке огромное количество змей, значительно более опасных, чем местные козюли. У меня есть некоторый опыт лечения именно змеиных укусов. Но, может быть, об этом потом? Время дорого.

Соков-старший колебался недолго. Пару секунд он испытывающе смотрел на меня, после чего кивнул и приглашающе махнул рукой к выходу.

Перед тем как выйти, я залез в карман рюкзака и прихватил с собой мою походную аптечку. Ничего особенного там, конечно, не было, но пригодятся и йод, и кое-какие таблетки, и бинт с перекисью.

За пару минут, пока мы шли до комнаты Анастасии, я собрался с мыслями и планами лечения. Ну, подумаешь, козюля, она же гадюка обыкновенная. Взрослые люди от ее укуса не умирают. Да, больно, зачастую мучительно, но если соблюдать элементарную гигиену, то через неделю-другую укушенный забудет об укусе. Если, конечно, эта гадина зубом в вену не угодила... Но маловероятно.

В общем, необходимо избежать заражения, а дальше организм сам справится с ядом. Вероятно, именно из-за резуль-

татов лечения пещерными методами, когда горе-лекари загоняли в могилу своих пациентов, здесь так и переполошились.

Девушка уже лежала в своей кровати и стонала. Больно, понимаю. Я присел рядом.

Рука здорово покраснела и заметно опухла. Две точки на месте укуса недвусмысленно показывали, что цапнула Настю именно гадюка, а не какой-нибудь испуганный ужик.

– Сергей Васильевич, распорядитесь, пожалуйста: мне нужна рюмка, свеча, бритва и много чистой воды. Желательно кипяченой, но не горячей.

Пока доставили перечисленное, я дал выпить пострадавшей пару таблеток (анальгин и супрастин) и обработал йодом место укуса. Перед операцией я повернулся к взволнованному отцу:

– Может быть, вам лучше выйти? Я вынужден сделать небольшой разрез Анастасии Сергеевне, ей будет немного больно, кровь опять же... Вы сумеете сдержать эмоции и не мешать мне работать?

Соков молча кивнул.

– Ну что же, – я повернулся к своей пациентке, – Анастасия Сергеевна, вы все слышали. Сможете немного потерпеть?

– Да, конечно.

– Еще будет довольно много крови – нужно, чтобы как можно больше яда вытекло вместе с ней из организма. Луч-

ше вам на это не смотреть.

В ответ на мои слова она, не говоря больше ни слова, закрыла глаза, и лицо ее напряглось...

Когда бритва чиркнула по коже, Настя лишь немного ойкнула и скривилась от боли. Я быстро приложил перевернутую, предварительно подержанную над пламенем свечи рюмку к месту разреза (да скорее царапины – резать глубоко имеет смысл только при укусе какой-нибудь серьезной змеи, а они в России не водятся), и эта импровизированная банка помогла поскорее отсасывать отравленную кровь из ранки. Конечно, значительная часть яда уже разнеслась по организму, но наибольшая его концентрация пока здесь. Повторив операцию еще раз, я решил, что достаточно. Обработал разрез перекисью и туго забинтовал девушке руку.

– Все. Теперь нужно просто ждать. Организм должен справиться сам. Максимальный покой и как можно больше пить. Только не вино или квас – чай или что-то в этом роде. Теплый или холодный. Есть можно все, но понемногу и часто. Исключая сильно зажаренное, острое и копченое. Желательна малопрожаренная говяжья печенька. Для восстановления кровопотери.

Бледный хозяин поместья кивал, как заведенный, в ответ на каждое мое слово.

– Вадим Федорович, если вы спасете мою дочь... – Губы его дрожали.

– Да полноте, Сергей Васильевич, можете быть спокойны.

Думаю, что уже через пару дней Анастасия Сергеевна будет гулять. Я, если позволите, буду наблюдать за ее состоянием несколько дней, а потом, почти уверен, здоровье вашей дочери восстановится полностью.

— Да, пожалуйста. Я уже доверился вам, так что делайте все, что сочтете необходимым. Просите все, что может понадобиться для лечения...

На все про все ушло около получаса, и с минуты на минуту можно было ожидать прибытия местного доктора. Бес его знает, что он из себя представляет и не полезет ли в амбицию со своими методами лечения. Я могу оказаться в неприятной ситуации, а хозяин перед непростой дилеммой: кому из нас верить. Как ни крути, я здесь никто...

Однако мои опасения были напрасны, прибывший с Алексеем доктор, Бородин Филипп Степанович, оказался вполне адекватным пожилым мужчиной и не стал разыгрывать обиду из-за того, что Соковы приняли предложенную мною помощь, а не предпочли дожидаться дипломированного специалиста. Но мне он устроил дотошный допрос, что и как я делал, осмотрел Настю и остался вполне удовлетворен и ее состоянием, и моими действиями. Насчет таблеток и остального пришлось опять заливать про Америку, что там это давно и успешно используют, а что из себя представляют йод, перекись и таблетки, я понятия не имею, да и не обязан этого знать.

Но дядька он тем не менее был приятный в общении. И

я получил большое удовольствие от беседы. Он крайне заинтересовался моими «заграничными снадобьями» и вытряс из меня обещание пренебреженно приехать к нему в гости побеседовать и познакомить с новшествами американской фармации. Задержаться на обед доктор отказался категорически, сославшись на необходимость посетить нескольких пациентов.

Он уехал, а я тоже не преминул посетить свою пациентку.

В комнате Анастасии находилась горничная, читавшая барышне какую-то лабуду на французском. Да... С этим у меня будут проблемы. Ни в зуб ногой... Английский – запросто, немного могу по-испански, а вот с языком, завоевавшим русское дворянство, у меня полный швах. Не более чем «шерше ля фам» или «а ля гер ком а ля гер». Досадно. Только Америкой и отмазываться...

– Как себя чувствуете, Анастасия Сергеевна?

– Спасибо, немного лучше, – слабо улыбнулась девушка, – Наташа, пересядь в угол.

Ну, естественно: одному мне находиться с девицей в комнате не положено, поэтому горничная осталась с нами.

Наташа встала, поклонилась и пошла в указанное место. Походка ее была... Трудно найти подходящий эпитет. Неуклюжей, что ли. Ну, то есть совершенно неженственной – избаловал меня двадцатый век грацией женщин, ходящих на каблуках.

Я присел на освобожденное Наташей место и потрогал

лоб Насти. Жарок присутствовал. Но несильный. Все нормально – организм борется. Опухоль и краснота не продвинулись вверх по руке – уже хорошо. Пульс, конечно, учащенный...

Упс! (На несколько миллисекунд мысли опять рванулись в сторону: мой «Ориент», в случае чего, тоже роскошный подарок или товар.) Ну ладно, об этом потом.

Глядя на лицо барышни, я вдруг подумал: какой разной может быть женская красота. И ведь она совершенно не укладывается в рамки хоть какого-нибудь стандарта. Даже наоборот: стандартные красавицы моего времени, топ-модели всякие, вряд ли способны пробудить что-то в душе нормального мужчины.

Вот и сейчас я видел перед собой довольно скуластое лицо со значительным носиком, глаза как глаза, ресницы не то чтобы очень длинные, брови густые и достаточно широкие, губы узкие... ну, в общем, по описанию – чуть ли не Квазимодо рисуется... А ведь глаз не оторвать... Смотрел бы и смотрел...

Вот Ленка моя совсем другая, курносая... Мммать! ЛЕНКА!! АРТЕМ!!!

Я ведь во всей этой круговерти совершенно забыл о своих! Что с ними? Как там они теперь без меня?! Мысли закружились в совершенно безумном хороводе...

– Вадим Федорович, – прервала мою зарождающуюся шизу Настя, – а я не умру?

Вот не было печали! Неужели истеричка? Хотя в такой ситуации, возможно, и некоторые большие и сильные мужчины завибрировали бы. Причем мужчины даже с большей вероятностью. Стоит зачастую простудиться посильнее обычного насморка и покашлять, уже всерьез думаешь, что не менее чем пневмония. И далее по списку... Не одного такого встречал... Да и сам, честно говоря, такой.

– Можете быть совершенно спокойны, Анастасия Сергеевна, такая мелкая змейка очень редко может убить взрослого человека, а если способна, то это происходит очень быстро. Вы выздоровеете. Очень скоро. Но нужно потерпеть. И пейте побольше. Обязательно. И не беспокойтесь: это в Америке змеиный укус почти приговор, а в России всего лишь неприятность.

– А что, в Америке змеи опасней? Расскажите о них, пожалуйста.

– Вам это в самом деле интересно?

– Конечно. Мне вообще интересно все новое, а уж теперь про змей из других земель интересно вдвойне. Рассказывайте!

– Да где же это видано! – раздался у меня за спиной голос Наташи, о присутствии которой я, честно говоря, уже и забыл. – Барышне благовоспитанной о заморских ползучих гадах слушать!

– Еще одно слово – и пойдешь вон, – не меняя тона отреагировала Настя.

Видимо, прислуга здесь была вышколена — мама не горюй! Наташа моментально заткнулась, но я просто физически ощущал спиной ее, мягко говоря, осуждающий взгляд.

— В Америке змей значительно больше и сами они... крупнее. Как правило. Лично я встречал несколько раз гадин толщиной с вашу руку и длиной с мой рост. Представьте себе: какой величины голова у такой твари, какой длины зубы и насколько больше яда она впрыскивает при укусе по сравнению с местной гадюкой. Козюлей то есть. Вот укус таких, безусловно, смертелен. Я не слышал ни об одном случае, чтобы человек выжил после укуса крупной гремучки.

— Крупной... кого?

— Этих змей в Америке называют гремучими. Дело в том, что на конце хвоста у них костяная трещотка, которой они трясут, когда чувствуют опасность. Они всегда предупреждают о том, что находятся рядом. Поэтому и укусы их редки, несмотря на то что гадин этих достаточно много. Змея кусает человека, только защищаясь. Или когда человек, не заметив ее, вдруг оказался слишком близко и она не успела предупредить о своем присутствии. Нет в змеях злобности, которую им приписывают. Они никогда не нападают первыми.

— Но на меня же напала.

— На самом деле она этого не хотела. Вы просто не заметили ее. Змея наверняка предупреждала вас шипением, просто тихо — змейка-то маленькая. Вы и не услышали.

– Пожалуй, вы правы, – наморщила лобик Анастасия. – А еще какие змеи есть в Америке?

– Из опасных – еще аспиды.

– Это который Клеопатру укусил?

– Не совсем. Ее, если проанализировать описание, укусила египетская кобра, которую называют еще «настоящий аспид». В Америке другие. Очень ярко раскрашены в красный, желтый и черный цвета. Размером с нашу козюлю, но яд у них очень сильный. Правда, чтобы такая змея укусила, нужно самому схватить ее рукой. Но тогда последствия будут очень тяжелыми. Так ведь опять же: она своей окраской предупреждает: «Не тронь меня!»

– Вас послушать – все змеи предупреждают о том же самом, – улыбнулась девушка.

– Конечно. Понимаете: мы им не нужны, им нас не съесть. Не трогай змею, и она тебя не тронет. Хотя, к сожалению, бывают досадные случайности. Как та, что произошла сегодня с вами. В Китае, например, я встречался еще с одной тварью – коброй. Она тоже предупреждает о своем присутствии: поднимает верхнюю часть тела кверху и раздувает шею. Очень впечатляющее зрелище. Десять раз подумаешь, прежде чем приближаться.

Я вдруг обратил внимание, что личико моей собеседницы несколько напряжено... Вот идиот! Сам ведь рекомендовал: как можно больше пить. Но признак хороший. Если я не ошибся в своих причинно-следственных выкладках, то все

будет хорошо. Пора откланиваться.

– С вашего разрешения, Анастасия Сергеевна, я вынужден вас покинуть. Состояние ваше опасений не вызывает, а у меня еще разговор с вашим отцом не закончен, было бы невежливо заставлять его ждать больше, чем того требует необходимость.

– Конечно. Ступайте, – на лице девушки читалось явное облегчение от удачного выхода из... деликатной ситуации.

Обживаюсь

Буквально через десять шагов от комнаты Анастасии меня перехватил молодой Соков. Не один. Рядом с ним находился еще и темноволосый мужчина лет тридцати пяти. Хотя черт его знает, как возраст в те времена сказывался на внешности. В общем, по нашим меркам выглядел он на середину четвертого десятка. И по каким-то неуловимым признакам было ясно, что это не русский. Почти наверняка тот самый мэтр Жофре, о котором упоминал Алексей. Так оно и оказалось.

– Вадим Федорович, разрешите вас познакомить с моим учителем. – Голос юноши выдавал некоторое волнение. – Господин Жофре говорит по-английски.

Это другое дело, на языке Шекспира я «шпрехал» вполне свободно. Мы раскланялись (пожали друг другу руки?), и француз вежливо, но не очень приветливо начал:

– Месье Демидов, Алекс сказал, что вы невысокого мнения о моих педагогических способностях в качестве учителя фехтования.

– Боюсь, что произошло досадное недоразумение. Я не мог такого сказать, поскольку даже не видел вашего воспитанника в деле. Было сделано замечание по поводу недобдуманно резкого его поведения при встрече с незнакомым мужчиной. Алексей дал повод к поединку, и, оказись на мо-

ем месте не очень порядочный, но достаточно искушенный в обращении со шпагой человек, это могло бы кончиться весьма печально для вашего воспитанника. И от таких поступков, по моему мнению, вы должны были удержать юношу заранее.

– Что? – Воспитатель повернулся к Настиному брату, и опять зажурчала французская речь.

Было видно, как краска заливает лицо Алексея. А учитель явно высказывал ему весьма неприятные вещи.

– Прошу прощения, месье, вы правы, – слегка смущенно возвратился к общению со мной француз. – Я, конечно, не мог предвидеть сложившейся ситуации и не инструктировал Алекса конкретно, но он сам мог бы понять, что не с его мастерством искать ссоры с...

– Первым встречным? – улыбнулся я, заметив смущение собеседника. – Все правильно, я и был именно первым встречным.

– А вы в самом деле владеете шпагой? – поспешил сменить скользкую тему мэтр Жофре.

– Смею надеяться, что недурно.

– В таком случае не откажете в учебном поединке с моим воспитанником? Ведь когда есть новый соперник, это всегда полезно. Вы меня понимаете?

– Несомненно. Но, с вашего позволения, не сегодня. Мне нужно следить за состоянием Анастасии Сергеевны. Да и не устроился я еще здесь.

– На этот счет не беспокойтесь, Вадим Федорович, – вступил в разговор Алексей. – Отец уже распорядился насчет комнаты для вас. Разрешите вас проводить?

Комнатку мне отвели вполне приличную, а на пороге уже ожидали два человека. Как выяснилось, портной и сапожник. Да уж, широко живет господин отставной подполковник – все необходимое у него есть, и рядом. Распростившись на время с юношей, я отдал свое тело на изучение и измерение. Чего терпеть не могу. В смысле пассивной роли. Поход в парикмахерскую для меня всегда был пыткой: сидишь чурка-чуркой, а с тобой в это время чего-то вытворяют. Но пришлось потерпеть. Так же, как в парикмахерской. Одежду обещали через два дня, обувь – через три. Пока пришлось сменить комбез на джинсы и майку. Благо, что на майке никаких «Дольче и Габбано» или «Рибок» не отметилось. Или как на моей любимой: «Мы пели так, что вытрезвитель плакал». Нейтрально все вполне, и за майку можно не беспокоиться. Ну и в кроссовках пока. Хорошо, что внимания на них еще не обратили. Ради приличия пришлось накинуть и джинсовку, хотя было и жарковато для такого обмундирования.

Честно говоря, уже серьезно хотелось чего-нибудь пожевать. С утра только чаем «позавтракал». Но хозяева не особенно спешили пригласить поесть хотя бы с прислугой. Впрочем, вряд ли они до такого опустятся... Но я был уже согласен разделить трапезу с кем угодно, лишь бы она была.

Не звали. Решили небось дать время на обустройство и не беспокоить лишний раз.

Пришлось пока, завалившись в кресло, осматривать свою келью: комнатка невелика, но вполне себе роскошная. От кровати я слегка ошизел: с пологом от летающих насекомых (ночью я оценил полезность этого, как мне казалось, дамского излишества).

Стол, полукресло почти как в фильме «Двенадцать стульев», разве что не в цветочек, а в полоску, такой же окраски занавески и обивка стен. Совершенно обалденный паркет, по-моему, чуть ли не вишня. В покинутом мною мире только совершенно зажавшиеся набобы могут позволить себе такую роскошь. Окно выходит в сад, прямо в цветник.

В дверь постучали, и в ответ на мое приглашение войти на пороге появился рыжий мужик лет сорока (опять же я сужу с колокольни жителя конца двадцатого века).

– Здравия желаю, господин. Так что его высокоблагородие велели, чтобы я у вас в услужении был.

Надо сказать, что возмущения в душе у меня не возникло: ни ездить верхом на своем слуге, ни пороть его я не собирался, а вот знающий местность проводник был бы мне очень полезен.

– Звать-то ва... тебя как? (даже своих восьмиклашек всегда называл на «вы», а тут взрослый незнакомый мужчина).

– Тихоном кличут.

– А в каком году родился?

– От Рождества Христова, в тысяча семьсот семьдесят пятом.

– То есть тебе лет сорок уже? – закинул я удочку.

– Тридцать пять через месяц будет.

Уфф! Ну наконец-то! Значит, на дворе лето тысяча восемьсот десятого года.

– Скажи, Тихон, а обед скоро будет?

– Так к вечеру, как обычно, – удивленно посмотрел на меня мужик.

Н-да, особой сообразительностью здешняя прислуга не отличается: откуда мне знать, как тут обычно. Хотя, может, я и поторопился с выводами:

– Так вы поснедать желаете? – сообразил мой новоиспеченный ангел-хранитель. – Это я мигом!

Казалось, что он даже рад получить какое-то распоряжение. Шустро развернувшись, Тихон исчез за дверью.

Ждать его пришлось недолго, и минут через десять слуга уже пристраивал поднос с едой на моем столике.

Да, неплохо: дымилась кружка с бульоном, рядом на тарелке горкой были сложены ломти лососины, кусочки маринованного угря, очищенные раковые шейки, хлеб, соленья и даже розетка с черной икрой. Ну и графинчик граммов на двести. Расстарался мой опекун на славу.

– Чего-нить еще изволите? – спросил явно не желающий уходить Тихон, прикипев глазами к чему-то на столе, старательно шевеля губами в окладистой бороде.

– Ты, Тихон, если спросить хочешь, спрашивай сразу, не верти.

– Ох, книжка-то у вас странная. Про охоту, видать. А кто это – пи-ра-ни-я?

– Так ты читать умеешь?

– Дык, обучены барином, дабы порученья евойные выполнять. Не шибко, конечно... – Мужик смущенно развел руками.

– Так. С этим потом. А пока будь добр, дай поесть спокойно. И... Спасибо тебе за хлопоты.

– Дык... Всегда пожалуйста, господин Демидов. – Тихон, поклонившись, исчез за дверью.

Вот ексель-моксель! Надо же таким идиотом быть: пока ждал обеда, стал выкладывать из рюкзака то, что может понадобиться в ближайшее время, и чисто машинально выложил на стол книжку Бушкова, прихваченную с собой в дорогу. Не дай бог ее увидел бы кто-то из хозяев усадьбы.

Ну да ладно. Пронесло на этот раз. Пора заняться плотскими утехами. В хорошем смысле. Сейчас я буду ЖРАА-АТЬ!

Да, такого я себе давно не позволял: чуть ли не трясущимися руками густо намазал икрой кус хлеба и набулькал из графина граммов пятьдесят... Положил на поднос бутерброд и поставил рюмку. Сначала поесть надо. Нечего. Веду себя как настоящий алкаш.

С огромным удовольствием, отпив из кружки с бульоном

(явно варят тройную уху, и мне достался бульон первого проявления), жидковат, конечно, куснул хлеба с семгой – замечательно. Просто замычал от удовольствия. Мы, наверное, уже почти забыли вкус настоящего хлеба, да и вообще настоящей, с душой приготовленной пищи. Эх! А ведь сегодня, как я понял, постный день. Всю жизнь бы так постничал.

Вот теперь, прожевав и запив бульоном, потянулся за рюмочкой...

Ну, в общем, я еще сибаритствовал минут двадцать. На подносе остались только металл, стекло и фарфор. Все, что имело органическое происхождение, переселилось в мой организм, к вящему удовольствию последнего.

Пора бы и прогуляться.

Тихон дисциплинированно ждал меня за дверью. На мою просьбу провести экскурсию по усадьбе и ее окрестностям откликнулся с готовностью, но без особого подобострастия. Нормально, в общем, отреагировал. Но как следует осмотреться мне на этот раз не удалось: заглянув в комнату Анастасии, чтобы проверить ее состояние, я убедился, что девушка спит под неустанным надзором Наташи. Однако когда мы вышли во двор, то практически сразу встретились с Алексеем и мэтром Жофре, который давал урок своему воспитаннику.

Костюмы и маски у них были верх примитива по сравнению с тем, что использовалось в мое время. Но чего уж тут ожидать...

Меня, естественно, тут же «сцапали за хобот» и попросили продемонстрировать свое искусство фехтования. Отступить было несолидно, хотя и скакать со шпагой по небольшой поляне после обеда не сильно хотелось. Ну да ладно, не отвертись же.

Слуги немедленно принесли еще один костюм, а вот маску мне пришлось принять от француза. Понятное дело, штука явно дорогая, держать больше двух в одной усадьбе – роскошь.

Встали с Алексеем в позицию, и прозвучало знакомое «алле!» (начинайте!).

Парень явно горячий – попер вперед сразу, собираясь показать своему учителю, что без труда разделается с выскочкой в лице меня. Пришлось сначала отступить, слегка огрызаясь короткими имитациями контратак, благо мои кроссовки были серьезным плюсом по сравнению с его туфлями. Присмотрелся. Класс невысокий, на уровне нашего второго разряда, можно было «растерзать» мальчишку сразу, но не стоило унижать ни его самого, ни его учителя.

Наверное, самое тяжелое для спортсмена-фехтовальщика – «отдать бой». Несколько раз были ситуации, когда следовало проиграть товарищу по команде, чтобы в следующую ступень соревнований прошли мы оба, а не только я. Не получалось. Совершенно искренне хотелось пропустить укол, но рефлекс, помимо сознания, заставляли взять защиту и дать ответ. Даже сообразить ничего не успевалось.

Так и теперь. Единственное, что я мог сделать – не ходить в атаки сам, только брать защиты или ставить оппозиции. Переводы Соков-младший делал примитивные и не больше одного за атаку. Было видно, что все его движения в каждом данном эпизоде запрограммированы заранее и перестроиться по ходу парень не успевал. В общем, я успел уколоть его раз десять в грудь и бесчисленное количество раз обработать вооруженную руку противника. Наконец прозвучало «Стоп!» от месье Жофре.

Сняли маски и пожали друг другу руки. Было видно невооруженным взглядом, что Алексей расстроен не на шутку. Но нашел в себе силы улыбнуться мне в момент рукопожатия.

А вот его учитель был даже доволен, как мне показалось.

– Безмерно благодарен вам, месье Демидов. Фехтуете вы как минимум неплохо, и Алексу очень полезно будет поработать с вами еще несколько раз. И мне было весьма не вредно посмотреть на его бой со стороны. Теперь я знаю, над чем нужно с ним потрудиться в ближайшее время. А не согласитесь ли теперь скрестить шпаги со мной?

– Почту за честь, но прошу дать мне несколько минут отдыха.

– О! Несомненно. И не несколько минут, а столько, сколько вам понадобится, – поклонился француз. – Жду, когда вы будете готовы.

Пот уже высох, но пить хотелось неимоверно. Предупре-

ждая мою просьбу, из дома уже спешила какая-то местная девица с кувшином и кружкой.

Елки-палки, в советское время продавался очень вкусный бочковый квас, секрет изготовления которого был, кажется, безвозвратно утерян вместе с кончиной Советского Союза – даже в ресторанах конца девяностых подавалось лишь слабое подобие того, что можно было выпить за три копейки через каждые, наверное, пятьсот метров прогулки по любому городу СССР.

Но та амброзия, которая заструилась по моему пищеводу из деревянной кружки, поданной мне служанкой, по вкусу была наотмашь все встречавшиеся в моей жизни безалкогольные напитки. Это был какой-то фейерверк вкуса и свежести. Причем вкус был совершенно не нежный – ядреный вовсю! Но как это было приятно!

Пяти минут мне хватило, и мы с французом стали смотреть друг на друга сквозь сетку маски.

Это был, конечно, не Алеша: двигался он пободрей, хотя мне в движении уступал однозначно. Я не торопился. Месье явно был мастером. Сразу стало очевидно, что «рукой» месье Жофре владеет виртуозно. Соваться в атаку, не «провалив» противника, было бы для меня смерти подобно. Но в игре на дистанции я однозначно превосходил своего визави. Надо еще и на нервах его сделать.

Я просто физически ощущал недоумение француза, когда его имитации атак и прочие провокации элементарно пари-

ровались парой быстрых шагов в стойке. Я даже не касался клинка противника своим. Ну, почти. Наглеть не позволял.

Постепенно освоился и понял, в чем слабые места учителя Алексея. И ничего удивительного тут нет: пусть он выдающийся мастер своего времени, но фехтование с этой хронологической точки развивалось еще почти два века.

Нет, все было не зря: пока я изгалялся в переплясах с Жофре, в голове молнией пронеслись воспоминания и о первых тренировках, и о моем становлении как мастера (извините за нескромность).

В фехтование мои ровесники шли стаями. Но ненадолго. Никто не давал оружие в руки, пока претендент не научится передвигаться в стойке. А это ой как непросто! Ходить «раскорякой» вперед-назад учились неделями. Мало кто выдерживал месяц – ну совершенно неинтересно. Зато те, кто оставался и, наконец, надевал маску, перчатки, брал в руки оружие, уже умели в позе «раком» летать по дорожке со скоростью среднего бегуна-стайера. И это в состоянии взведенной пружины, готовой взорваться выпадом в любой момент. Все оставшееся обучение как раз и состояло в том, чтобы этот момент поймать.

Утрирую, конечно, но, в принципе, где-то так.

Соперник стал терять терпение и с хорошей, правда, подготовкой сделал глубокий выпад. Впервые глубокий. Я просто ушел. В принципе, он совершенно конкретно ловился в простую четвертую защиту, но пока можно было и потер-

петь.

Кстати, терпение в шпаге тоже одно из главных условий. Поэтому и кажутся такими нудными и неинтересными спортивные поединки неискушенному зрителю. Но я опять отвлекся.

Ну и хватит уже. Я симитировал провал в атаке, а француз купился. Контратаковал, правда, мгновенно, но тут же попал в «круг шесть» и рипост. Короче, получил.

Снова встали в позицию и продолжили. Нервы у мужика явно сдали. Я его задергал и, поймав момент, вышел во флешь. Если вовремя – то флешь-атака просто неотразима. Еще плюс один укол в мою пользу.

А потом он меня обыграл. Ай, как красиво обыграл! Расслабляться было нельзя. И нельзя было отдавать клинок в контакт надолго. Как он его захватил и завертел! В общем, получил я в плечо совершенно конкретно.

Пот уже заливал глаза, и я, вместо того чтобы снова встать в стойку, сдернул маску с лица.

– Прошу прощения, наверное, мне не стоило фехтовать сразу после еды, – произнес я, пожимая руку Жофре.

– Совершенно излишне извиняться, вы ведь до этого провели бой и с Алексом, – на лице француза были и доброжелательность, и уважение, но мне показалось, что присутствует еще и некоторое недовольство. – Стойка у вас несколько странная, напоминает итальянскую, но все-таки не она. Кто вас обучал?

– Один испанец с прииска. В поселке было несколько мальчишек, и он за небольшую плату от наших родителей учил меня и других благородному искусству фехтования.

– А как его звали?

– Диего. Фамилией не интересовались.

– Странно. Я думал, что знаю всех европейских мастеров... Эта ваша атака броском... Я ее знаю, но ведь это огромный риск, так почти никогда не поступают. Знаете, я боюсь, что она произвела впечатление на Алекса. Я, конечно, обращаю на это его внимание, но попрошу вас как-то поддержать меня. Ни в коем случае он не должен пытаться ее воспроизвести, если вдруг придется когда-то всерьез обнажить шпагу.

– Можете быть совершенно спокойны. Я полностью разделяю ваше мнение в этом вопросе. Конечно, я постараюсь найти слова, которые должны его убедить.

Но напрягаться не пришлось. Первых же слов учителя оказалось достаточно для парня, и он пообещал не пытаться применять флеш-атаку и обучаться ей, пока месье Жофре не сочтет его достаточно подготовленным.

С французом договорились встретиться и пообщаться на следующий день, после чего я вместе с Тихоном продолжил прогулку-экскурсию.

Парк был разбит в английском стиле: подобие дикого леса с тропинками, выложенными, как ни странно, именно желтым кирпичом. Я даже усмехнулся про себя, вспомнив одну

из любимейших книг своего детства.

По дорожке, идущей между кустов и лип, встретилась вполне симпатичная беседка, увитая плющом, и пара деревянных статуй, имитирующих людей, причем оба раза они появлялись внезапно, когда вдруг резко обрывалась череда кустов и кустиков. При встрече с первым «незнакомцем» я даже вздрогнул от неожиданности. Раньше читал о таких милых шутках, но столкнулся с подобным впервые.

А вот и пресловутый пруд, возле которого, как я понимаю, Настю и цапнула та гадюка. Примерно в шесть соток, с очень живописными берегами. Водную растительность на пруду и вокруг него явно посадили искусственно, но смотрелось все очень натурально и красиво.

Даже скамейка имелась. Правда, под ней стоило бы все засыпать песочком, а не как сейчас – травка. Причем давно не кошенная. Вспоминая историю с Настей, как-то жутковато было сесть, опустив ноги в эту растительность. И хотя та самая гадина, которая непонятно что пришла искать на берегу пруда и которой здесь присутствовать не следовало по всем статьям, заползшая к этому берегу вопреки всему, уже точно мне не грозила, но некий дискомфорт присутствовал.

Достал сигарету и закурил. Только потом до меня дошло, что на глазах Тихона этого делать не стоило. Но мужик определенно был вышколен конкретно: никаких вопросов. Даже «Разрешите обратиться!» не звучало. Следовал за мной тенью и говорил, только когда спрашивал я.

Кстати, с сигаретами рисовалась полная труба. Ну, четыре пачки у меня в рюкзаке имеются, но если «попадание» все-ррез и надолго, то либо курить бросать (давно собирался), либо привыкать к трубке. Но как говорила небезызвестная Скарлетт: «Я подумаю об этом завтра...»

А сейчас приходилось беспокоиться о том, во что я влип. Влип по полной. Очень хочется думать, что вот-вот — и проснусь... Наверняка зря. В этом мире я всерьез и надолго, если не навсегда. Надо устраиваться с максимальным комфортом. В своей стране. И надо как-то легализоваться, стать не последним среди неравных, а кем-то значимым. Но до этого еще ой как далеко. Черт! Чем бы поразить местных «аборигенов» сразу и навсегда? И ведь без особого повода меня не допустят не только до императора, но даже и до местного губернатора. Это мне еще дико повезло с тем, что Настю гадюка цапнула: даст бог, пройдет все благополучно, и в этой усадьбе я смогу чувствовать себя более-менее уверенно, но даже тут быть откровенным альфонсом не стоит.

А ведь через пару лет в Россию припрется французский «гений» переделывать нашу страну под свою демократию. Вот этому выскочке по зубам надавать надо конкретно. Причем здесь и сразу, чтобы не было этого дурацкого похода в Европу и его жутких последствий на полвека.

А что могу сделать я? Ни батальоном командовать, ни эскадроном. Корабли — в отстой. Кстати, и там я сейчас ноль без палочки. Ни пулемета, ни автомата сделать не в состоя-

нии. Ну не мое это.

Только взрывчатка. Нитроглицерин при наличии физических возможностей сбодяжить смогу. Динамит на его основе тоже. Взрыватели – справлюсь. Но ведь все самому придется. О промышленных масштабах можно забыть: грамотных рабочих и инженеров-химиков пока в природе существует несколько особей. И все заняты.

– Ой, барин! – неожиданно прозвучал голос моего «денщика». – Зовут!

Я обернулся: метрах в двухстах действительно семафорила руками фигура какого-то парня из дворни, и мы вместе с Тихоном поспешили к дому.

То, что мне пришлось наблюдать во дворе, не радовало категорически: здесь стояла телега с гнедой кобылой, вокруг толпился народ вместе с хозяином, а когда я подошел поближе, то на этой самой телеге увидел тело молодого мужчины с раскрытой головой. В черном костюме-тройке. При галстукке...

Деревенский детектив

Если опустить весь мат, который заметался в моей голове, то основная часть мыслей складывалась следующим образом: «Откуда же ты нарисовался, красивый такой, на мою голову?»

Мужик был явно моим современником. Ну, в смысле из конца двадцатого века. И появился тут, хоть и в виде «мертвого трупа». Небось ведь живым сюда попал. (Я пока еще не был в состоянии воспринимать причитания возницы.)

Ведь два (или полтора) таких явления в один день для хозяина усадьбы определенный перебор. А отмазываться предстоит мне. И это было очевидно: глаза всех присутствующих уперлись в мою личность, и я на собственной шкуре стал ощущать, как загорались триеры (или как их там) штурмующих Сиракузы римлян.

Так ведь еще и полиция какая-нибудь разбираться с трупом наверняка припрется. А тут я. Вот, блин, не было печали!

Постепенно мой мозг стал воспринимать окружающий мир, а не только заниматься внутренним самокопанием: «Ваше высокоблагородие! Барин! Да вы же меня знаете! Разве же я бы когда посмел?! Лежал у дороги, ну не бросать же зверям на прокорм!» Голос хозяина телеги выдавал самый откровенный страх.

Ну да, по тем временам кто нашел, на того и первые подозрения. С шерлоками холмсами еще плоховато. Возьмут этого крестьянина местные пинкертонны за шкурку так, что любо-дорого... Или на кого-нибудь пришлого свалят. А тут вон он я во всей красе.

– Вот, даже деньги какие-то рядом на дороге лежали. И кругляшки. – Возница протягивал Сокову-старшему пачку до боли знакомых американских рублей, а также, судя по виду, горсть фишек из казино. – Ни копыя я себе не взял, барин! Не выдай!

– Вадим Федорович, вы ничего не можете сказать по этому поводу? – уперся в меня мрачным взглядом хозяин усадьбы.

– Думаю, что могу. Но только не здесь. Если позволите, то я хотел бы поговорить с вами наедине, Сергей Васильевич.

Помещик испытующе посмотрел на меня и молча кивнул. Ну, в общем, пора «колоться», Штирлиц доморощенный. Не могу я больше. Бояться каждого взгляда, каждого слова, каждого жеста... Запутаюсь не сегодня, так завтра. И уже не отмажусь. В общем, придется в омут с головой. Ну а вдруг поверит... А так – гроб мне с музыкой и однозначный трындец.

И как-то сразу стало легко. Принял решение и сбросил с плеч груз, давивший на них уже целый день: «Да гори оно все огнем! Хватит!»

Сам на себя удивлялся: совершенно покойно шел в каби-

нет подполковника и не терзался вопросом, поверят ли мне.

– Что вы хотели мне сказать, Вадим Федорович? Вам знаком этот человек?

– Совершенно незнаком. Честное слово. Мне знакома его одежда. И я, кажется, догадываюсь, откуда он взялся на вашей земле.

Моя уверенность в себе вдруг лавинообразно стала сходить на нет. Одно дело – думать, что можешь все высказать и дальше пусть решает судьба, и совсем другое – подыскивать слова под взглядом этого славного старикана, к которому я уже испытывал искреннюю симпатию.

– Я вас слушаю, – терпеливо смотрел на меня Соков.

– Извините, Сергей Васильевич, я сказал вам не всю правду при знакомстве. Даже совсем не правду. Ибо правда настолько невероятна, что я и сам до сих пор не могу в нее поверить. А уж вы бы приняли меня за сумасшедшего наверняка. И это еще в лучшем случае.

– Так вы солгали мне? – Лицо бывшего офицера стало совершенно каменным.

– Подождите! – Почва уходила из-под ног и нужно было рубить с плеча. – Постарайтесь поверить, постарайтесь меня услышать. Я действительно не тот, за кого себя выдаю, но очень вас прошу не выпрашивать о моем прошлом. Очень вам обязан за гостеприимство, но готов в любой момент покинуть ваш дом, ибо мое присутствие может навлечь опасность на вашу семью.

– Будьте добры пояснить свои слова, Вадим Федорович... Или это не настоящее ваше имя?..

– Настоящее. Я вас очень прошу не перебивать меня, Сергей Васильевич, – мне и так очень трудно собраться с мыслями, чтобы рассказать вам всю правду...

– Трудно сказать правду? – снова прервал меня подполковник. – И совершенно напрасно пытаетесь меня испугать какой-то информацией. Я, знаете ли, и под пушечную карточку идти не боялся.

Вот ведь зануда! Он мне даст высказаться, наконец?

– Еще раз прошу меня не перебивать, Сергей Васильевич...

– Хорошо. Слушаю, – опять перебил меня помещик.

– Понимаете... Молодость, глупость... Я в свое время вступил в некое общество...

– Масоны?

Да етит твою налево! Может он просто слушать? Обязательно свою образованность показывать?

– Нет. Масоны просто дети по сравнению с «ЭТИМ», – ЭТИМ было выделено интонацией так, что и ребенок бы понял, что ЭТО – НЕЧТО.

– Все-таки тайное общество? Политическое?

...Нет, блин, общество по защите морских свинок от гребнистых крокодилов!..

– Это слабо сказано. Оно практически управляет миром. Вступить в него... Впрочем, в него есть возможность ис-

ключительно вступить – получить предложение может только очень неординарная, прошу прощения за нескромность, личность. Отказаться – умереть. Вот так.

– Управляет миром, говорите?..

– Именно. Можете мне не верить, но это факт. Ни Сент-Джемский кабинет, ни Версаль, ни Вена, ни Петербург не влияют на мировую политику столь серьезно, как Совет Десяти, – вспомнил я роман Головачева и втиснул в свою трескучую фразу. Не, все-таки школа учит импровизировать почище любой театральной сцены...

А ведь вроде верит мне старый вояка... Точно верит! Даже перебивать перестал. Продолжаем врать:

– Еще в юности я увлекся химией. Оказалось – не зря: открыл новый элемент и вообще серьезно разобрался в первопричинах превращений веществ...

– Вы открыли новый элемент? – вновь перебил меня подполковник.

– Да. Практически уверен в этом. Но сделать заявку на него не успел. Пришли представители этого самого общества. Вернее, пришел... И предложил вступить в его ряды. Прошу меня понять и вспомнить свою молодость – я согласился: таинственность, причастность к власти над миром...

– В молодости я был сержантом Белозерского мушкетерского полка, – отрезал мой гостеприимный хозяин.

Вот зараза – так и цепляется к словам.

– Наверное, я менее благороден, чем вы, – мое честолюбие

это зацепило. К сожалению. Я согласился. И я стал достаточно быстро продвигаться по иерархической лестнице данной организации. А когда забрался достаточно высоко, узнал такое, что просто не мог реагировать на это спокойно...

– Что именно?

– Сергей Васильевич, я не знаю, стоит ли вам об этом говорить – это тайна, за знание которой могут уничтожить не только вас и меня – всю округу...

Немедленно вспомнился анекдот:

«– Плачу миллион долларов за клиента. Адрес: улица Стаханова, дом восемь, квартира...

– За такие деньги не нужен номер квартиры – достаточно номера дома...»

Наверное, на основе подсознательного знания именно этой шутки я и попытался создать у хозяина поместья впечатление о всемогуществе этого тайного общества.

– Еще раз повторяю: меня трудно испугать. Говорите!

– Хорошо. Так вот: организация эта вненациональна, ее членам надлежит забыть, что у них есть родина, и действовать только на благо Ордена. У меня не получилось. Когда узнал о планах руководства, вспомнил, что я русский.

– А что за планы?

– Если вкратце: их не устраивает растущее могущество Российской империи, и планируется вычеркнуть нашу страну из европейской политики, загнать в допетровское состояние. Понимаете?

Подполковник был, мягко говоря, ошарашен. Выглядел он огретым пыльным мешком из-за угла. С одной стороны, в его взгляде читалось недоверие, с другой – желание понять, что же все-таки творится в его усадьбе. Кто я такой и какую мистификацию задумал? Я бы на его месте тоже впал в ступор. Даже в своем времени, даже зная о наличии всевозможных спецслужб...

– И какова во всем этом была ваша роль? – наконец во-просил Соков.

– Я, как говорил уже, химик.

– А! Ямчужных дел мастер?

– Ну почему сразу о порохе? – улыбнулся я. – Селитру сделать, конечно, смогу – было бы из чего, смогу сделать и значительно более мощную, чем порох, взрывчатку, но химия может дать людям не только это: лекарства, краски, да мало ли что еще...

В общем, я узнал, что приблизительно через два года будет война. С Францией. Практически со всей Европой. Только англичане, датчане и шведы не придут на нашу с вами землю с оружием в руках.

И результаты, в том числе и моих исследований, планируются использовать именно в военных целях. Против России.

Отказаться я не мог, покинуть ряды Ордена можно только в гробу. Наверное, мой случай – единственное исключение: бросил все свое имущество и исчез. Прошу разрешения не выкладывать сейчас все подробности, но если вкратце: что-

бы как следует запутать следы, мне в образе бродяги пришлось объехать полмира...

– Запутать, говорите? – подозрительно прищурился подполковник. – А тот человек?

– Я его не знаю. Просто одежда на нем знакомая.

– Весьма странная одежда, надо сказать...

– Для этих мест – несомненно, а в Америке – самое обычное дело.

– И как в нашей округе могло появиться это самое «обычное для Америки дело»?

– Совершенно искренне вас заверяю: не знаю. Но это точно не тайный агент Ордена. Не такие там дураки, чтобы надевать костюмы, не соответствующие времени и месту. Откуда здесь взялся этот человек и с какой целью появился в этих местах, для меня такая же загадка, как для вас.

– Пожалуй... – Соков на мгновение задумался. – Пожалуй, я могу вам поверить, Вадим Федорович. Но что вы собираетесь делать дальше?

– Могу только сказать о своих планах в стратегическом направлении: поставить на службу России свои знания. Как это сделать практически, пока не представляю. Я на данный момент никто. Бродяга. Как сделать так, чтобы меня услышали и дали возможность проявить себя власти империи, не знаю. Не смею рассчитывать на вашу поддержку...

– Напрасно, – огорошил меня хозяин усадьбы. – Ничего обещать не могу, я должен крепко подумать... В общем, по-

говорим завтра. Доброй ночи!

– Доброй ночи! Только, Сергей Васильевич, не смею ставить вам условия, но очень хотел бы попросить держать наш разговор и сведения, которые я вам сообщил...

– Совершенно излишняя просьба. Я, во-первых, не сумасшедший, чтобы делиться таким с кем бы то ни было – меня упрячут в бедлам вместе с вами, – мой собеседник даже улыбнулся, – во-вторых, вы спасли мою дочь, а я умею быть благодарным.

– Да не спас я Анастасию Сергеевну. Не могла она умереть от укуса гадюки. Я просто постарался уменьшить возможные проблемы от этого укуса и ускорить выздоровление. Кстати, если вы позволите, я все-таки навещу ее перед сном.

– Разумеется. И... Ступайте!

Ну вот. Вроде все не так плохо. Может, действительно поверит?

Я заглянул к Насте, дал на ночь еще одну таблетку обезболивающего, прихваченного из рюкзака. Пощупал лоб пациентки – жарок присутствовал, но вполне терпимый. Жаль, что нет у меня с собой снотворного – никогда не было актуальным. Ну да ладно. Пожелал девушке спокойной ночи и, провожаемый неодобрительным взглядом сиделки, отбыл в свою комнатенку. Нужно было о многом подумать.

...Не спалось. Да кто бы удивлялся. В такой ситуации у кого угодно крыша поедет: за один день столько событий... Пятерым на всю жизнь хватит, если экстримом особо не увле-

каться. Мысли хороводили в голове, как сумасшедшие, и все на разные темы. Нужно было собраться и отсечь не самое актуальное на данный момент. Как ни дико это прозвучит, но в первую очередь я стал гнать от себя воспоминания о своих жене и сыне. Хотя не было и нет на Земле никого дороже и роднее, но... А может, утром я проснусь уже дома? Или хотя бы в своем времени? Прочь! Когда это произойдет, тогда и радоваться буду.

Предположим все-таки, что попал я крепко и застрял надолго... Необходима хоть какая-нибудь легализация. Даже если Соков мне поверил или поверит, это будет нелегко. Хотя кто его знает. Не помню я в упор «местные» порядки и законы. К тому же этот труп... Каким лешим сюда занесло моего современника, да еще и угораздило получить чем-то по башке? Пожалуй, с этого завтра и следует начать. Хотя какая-то ясность может нарисоваться...

Сам не заметил, как провалился в сон.

Снилась разная хрень, но совершенно «невспоминабельная», я вообще крайне редко могу вспомнить свой сон даже непосредственно после пробуждения, но он должен хотя бы иметь сюжет. А тут помню только то, что была некая фантазмагория, и не более.

...Как же здесь орут петухи! Причем каждый на свой лад. Внутренне матерясь, я потихоньку просыпался и подсознательно переводил гребненозные трели на русский язык. Я совершенно явственно стал узнавать, когда голосит один, а

когда другой. Их было трое в пределах досягаемости звука. И один орал: «Я вас не зна-юуу!» Другой: «На-та-шаааа!» Третий: «Идите вы все наа фиг!» Ну, в общем, у меня перевелось именно так.

Наскоро умывшись и позавтракав чаем с пирожками, я попросил очередного встреченного мной «мундироносного» слугу передать Сергею Васильевичу, что хочу с ним поговорить. Ну и получил сразу: «Барин отдыхают, не велели беспокоить».

Погулял у крыльца, жутко хотелось курить, и, чтобы не засветиться, пришлось для этого сбегать в свою комнату. Разгуливать с сигаретой перед дворней совершенно ненужный риск. Очередной раз попытался прорепетировать начало разговора. Про себя, естественно. Подполковник так и не появлялся.

Хотя... Я ведь могу скоротать время в приятной компании...

Температура у Насти с утра была уже практически нормальной, опухоль на руке уменьшилась, и все шло к тому, что молодой и здоровый организм достаточно быстро справится с недугом.

– Ну что же, Анастасия Сергеевна, если так пойдет и дальше, то завтра я разрешу вам гулять.

– Правда? – Глаза девушки буквально зажглись радостью. – А сегодня нельзя?

Нет, меня подчас просто умиляет человеческая психоло-

гия – стоит только пообещать что-то хорошее, как сразу просят поскорее и побольше.

– Нет! – категорически отрезал я (на самом деле вполне можно было бы гулять и сегодня, хоть сразу после завтрака, но следовало выдержать солидность ситуации).

– Как жаль! А ведь я себя уже вполне хорошо чувствую.

– Вот давайте и закрепим это состояние. Анастасия Сергеевна, или я вас лечу и вы меня слушаетесь, или я не отвечаю за последствия. Именно так я и скажу вашему отцу. Как вы думаете, что он решит?

Настя сразу поняла последствия и больше занудничать не стала. Я поспешил откланяться, пообещав, что сегодня еще зайду. Прямо в коридоре встретил Сокова-старшего и тут же поспешил взять быка за рога:

– Доброе утро, Сергей Васильевич.

– Доброе. – Подполковник был довольно приветлив, что вселяло оптимизм. – Вадим Федорович, я обдумал наш разговор, и у меня появились некоторые вопросы к вам.

– Обязательно отвечу на все, но давайте пока попробуем разобраться с одной проблемой, которая, думаю, вас тоже серьезно волнует.

– Вы о чем? – Брови Сокова надменно вскинулись.

– Сергей Васильевич, позвольте мне, во-первых, осмотреть тело доставленного вчера человека, а во-вторых, осмотреть место, где его нашли.

– Я, конечно, могу вам это обеспечить, но с какой целью? –

Мой собеседник опять стал смотреть чуть подозрительно.

– Да чтобы попытаться хоть немного понять (в этом месте очень рвался с языка матерный артикль, эмоциональность которого была бы понятней и убедительней многих слов, но приходилось обходиться цензурным языком), откуда он здесь взялся.

– Он в подвале. Тихон вам покажет. Но только сегодня уже похороны. Отец Паисий приедет часа через два.

– Похороны? На кладбище?

– А что вы думали? У него на шее остался крестик. Серебряный, судя по всему. Не посмели его разбойники снять. Неужели мы похороним христианина на пустыре?

– Нет, конечно, но так вот быстро... Не дожидаясь расследования?

– Лето на дворе, Вадим Федорович. Не следует покойников долго держать. Сегодня же и похороним.

– Ну, хоть содержимое карманов я могу посмотреть? Это может быть важно.

– Несомненно. Тихон вам все покажет.

– Благодарю. Я могу идти к телу? – мне показалось, что подполковник держится со мной уж слишком официально, хотя я, конечно, мог и ошибаться.

Соков молча кивнул, и я отправился искать своего слугу. Нашелся Тихон, естественно, на кухне, где уминал кашу, параллельно пытаясь заигрывать с кухаркой Татьяной. Кстати, весьма аппетитная особа, хоть и слегка полновата, но это уж

работа такая.

Услышав о моем желании, Тихон, даже не доев свою гречку, немедленно вскочил и проводил меня в подвал, к телу. Канделябр со свечами, который мужик прихватил с собой, буквально должен был, по его мнению, символизировать важность и значимость моей персоны: свечей на семь, не меньше.

Просто удивительно, как мертвые люди разительно непохожи на себя живых: расслабившиеся мышцы лица позволяют коже сползти и совершенно обтянуть собой кости черепа. Так что я даже не мог судить, видел ли я когда-нибудь этого человека или нет.

Ну, так: кожа на пальцах вполне нормальная, значит, кольца или перстня с него не сдирали, а вот часиков никаких нет. Ой, не верю я, что мужик в таком прикиде какой-нибудь «Ролекс» или «Сейко» на руке не таскал!

Ага! И восходящее солнышко на тыльной стороне ладони. Причем совсем не с японского флага. Из «этих», значит...

Рана... Тут классика – тупым предметом (но в данном случае не головой), может быть что угодно: обух топора, дубина, кистень, лом... Да мало ли?!. Крови вытекло предостаточно – весь верх пиджака пропитан.

– Тихон! Пойдем покажешь, что у человека в карманах было.

– Да не извольте беспокоиться, ваше благородие, все как ни есть собрали. Пойдемте за мной!

Да уж! Мало тебя, парень, муштровали! Тихон повернулся ко мне спиной и стал подниматься по лестнице, совершенно искренне считая, что если света достаточно ему, то и мне хватит. А между тем из-за его широкой спины пробивалось только ничтожное подобие освещения. Но, хоть и на пределе, мне его хватило, чтобы выбраться из подвала непокаленным.

Содержимое карманов «пациента» было ожидаемым: ключи от машины с мерседесовским брелоком, ключи, вероятно, от квартиры и бумажка с номером телефона и пометкой «Павел». Явно мужик из сравнимого с моим времени.

– Часов на нем не было? На руке? – на всякий случай спросил я своего слугу, хотя заранее знал ответ.

– Ни в коем разе, Вадим Федорович, все, что при нем было, здесь!

– Ладно, я хочу осмотреть место, где нашли труп. Если можно, то в присутствии того мужика, который нашел.

– Отчего же не можно – с нашим удовольствием. Миха пока на усадьбе, в сарае прохлаждается.

– Не понял. Что значит прохлаждается? Где?

– Ну, в сарае, стало быть, заперт, ждет, когда полиция из Пскова придет.

Ой-еooo! Вот только полиции мне и не хватало! Ну, Сергей Васильевич! Ну, спасибо! Теперь точно нужно этих убийцев найти поскорее, иначе мне полный «алескапут»!

– Тогда давай его скорее сюда, и поехали!

– Сей момент, барин! – Тихона тут же сдуло с места, а через минут десять передо мной уже тормознула коляска с парой гнедых (или рыжих) коней. Тихон сидел на козлах, а рядом с ним скрючился совершенно ничтожный мужичонка, тот, что еще вчера мне казался вполне достойным русским крестьянином.

Я запрыгнул в экипаж, и нас затрясло по проселочной дороге. Мимо пронеслось поле, въехали в лес. Летние запахи русского леса! (Да и необязательно русского – леса средней полосы.) Черт! Голову, конечно, не кружат, как написала бы какая-нибудь барышня... Но впечатляют! И где там запах хвои, где черники, где липы, не поймешь. Но его, этот запах, просто можно нарезать ломтями, заворачивать в пленку и продавать за сумасшедшие деньги. Купят! Особенно зимой. Особенно если удастся законсервировать и этот сладкий, изнуряющий зной...

– Приехали, барин! Здесь! – Мужичок дергал Тихона за рукав и заискивающе смотрел на меня. – Здесь он лежал! Вот перед этим ясенем, в канаве.

Я уже почти наверняка был уверен в том, что увижу. Так и оказалось: примятая трава в том, что канавой являлось чисто номинально – дождей давно не было. И лишь слабые мазки крови на травинках. Это притом, что зему от души приглубили по черепу. И рядом тоже никаких следов крови. То есть уконтрапупили моего менее везучего товарища по несчастью явно не здесь.

– Тихон! Михаил! А есть здесь где-нибудь поблизости на дороге корчма какая или двор постоялый?

– Как не быть, – отозвался мой Планше, – в трех верстах трактир Кузьмы Полынцева. Кормят там так себе, но водка отменная. И квасок хорош.

– Вот туда и отправимся.

И снова нас затрясло и завихляло по российской проезжей дороге. Нет, ну ведь надо же так умудриться пути прокладывать? Такое впечатление, что просто сначала зверину тропу ногами растоптали, а потом уже и копытами с колесами разъездили. Три версты – путь недалекий, и вскоре показалась поляна с вполне справным двухэтажным домишкой. Как я правильно понял, это и был искомый трактир.

Внутри он выглядел почти так же, как подобные заведения того времени в фильмах. То есть ничего особенного и неожиданного. Хозяин, бодрый мужичонка лет пятидесяти, услужливо подскочил к тем, кого считал новыми потенциальными клиентами, но, посмотрев на меня, слегка напрягся.

– Здорово, Федотыч! – не очень-то весело поприветствовал его наш возница. – Тут тебя...

– Ну-ка, цыц! – прошипел я осмелевшему мужику. Тот послушно заткнулся.

Черт! По всем статьям сейчас явно требовалось чего-нибудь заказать. Хоть квасу, что ли. Но у меня ни копейки с собой не было (да и не только с собой).

– Скажите, Кузьма Федотович, а не заходил ли к вам вче-

ра мужчина в необычной одежде? – Я приготовился отследить тень замешательства на лице своего собеседника, но это было совершенно излишне: актер он был совершенно никакой. Глазки забегали, лицо стало багроветь с пугающей скоростью. Я уже начал опасаться, что хозяина тут же разобьет удар...

– Да кто вас тут разберет, кто обычный, а кто нет! Ты пить-есть чего-нибудь будешь? Только деньги сначала покажи! А то много вас тут таких шляется!

Да уж! Стругацкие – молодцы: этот самый типаж про дикаря, наглеющего от вежливого обращения с ним, они вывели очень грамотно. Придется ставить на место понятными наглецу методами... Не пришлось...

Хрясь! – И обнаглевший хозяин трактира закувыркался между столами. Тихон озабоченно потирал кулак. Потом размеренно сгреб наглеца за загривок, приподнял и прогудел тому в лицо:

– Чтобы держал себя с его благородием вежливо и отвечал на все вопросы, понял? Вадим Федорович гость нашего барина. – Мой слуга еще раз встряхнул сомлевшего трактирщика за холку и бросил размякшее тело мне в ноги.

Посетители постоянного двора, трое то ли крестьян, то ли ямщиков, даже не соизволили хоть как-то отреагировать на происходящее: они ели что-то из своих мисок и попивали из мелких чашечек. Явно не чай. Но времена не те – водитель транспортного средства вполне может себе позволить. Никто

его в трубочку дыхнуть не попросит.

– Повторяю вопрос: вчера к тебе в трактир заходил необычно одетый мужчина? – Кабатчик явно пытался остаться в бессознательном состоянии дольше, чем требовала ситуация. – Или ты расскажешь всю правду мне, или будешь общаться с полицией. Что предпочитаешь? Ведь ты уже, считай, убийца и грабитель в глазах закона. Разбойник. Ну!

– Барин! Не погуби! Все как перед Истинным расскажу! – Трактирщик аж захлебываться стал от эмоций. – Пришел вчера. Костюм черный, не нашенский, никогда такого не видел. Да и сам нерусский – немец натурально...

– Это ты с чего взял?

– Да говорил он как-то... По-русски, но чисто немец.

– С акцентом, что ли?

– Это тебе виднее, ваше благородие, а вот нерусский и все тут!

– Ладно, дальше что было?

– Да попросил он виску какую-то и ругаться стал, что нет. А где я ему эту виску возьму? Водочка у меня высший класс, не побрезгуйте – попробуйте! Наливочки... Какая виска? И деньги он мне сунул фальшивые! Не просто фальшивые, совершенно глупые бумажки нерусские. А потом драться полез! Невиноватые мы!

– Не голоси, рассказывай. – Визгливые нотки в голосе этого Полынцева начали уже конкретно доставать.

– Так я и говорю: мне в брюхо заехал, Семену руку сломал, Никитке фингал на скулу засадил... Ну и приголубил его Никита кочергой...

А ведь, похоже, не врет: земляк-то мой, вероятно, крутой перец, находился в обалдевшем и раздраженном от непонятки состоянии, ну и пошел с ходу строить быдло периферийное. Вот будет смеху, если он вместе со своим «мерсом» сюда попал... Хотя вряд ли, тогда бы, наверное, на нем и заявился.

– Ну и дальше что?

– А что? Не дожидаться же посетителей! Погрузили потихоньку на телегу тело и отвезли от кабака подальше. Барин! Не было умысла убивать его! Зачем это мне? Ну, не рассчитал мой слуга в сердцах силушку...

– Ладно, угомонись. Где бумажник его?

– Какой? Не было никакого бумажника. – А вот сейчас явно врет. Ключи от машины в кармане были, а права «пациент» типа дома забыл? Ага! Вот прямо сейчас все брошу и начну верить!

– Кожаный бумажник. С документами. И не пытайся врать, что в глаза его не видел. Ну?

– Ах, это! – Глазенки трактирщика опять воровато забежали. – Я же и не знал, что это бумажником называется. Сейчас принесу!

– Тихон тебя проводит.

– Да как угодно, как угодно...

Через минуту передо мной лежал черный кожаный лопат-

ник. Ну да. На месте и доллары, и рубли. Права на имя Игоря Кривко, выданы в девяносто четвертом, значит, попал он не позже чем из две тысячи четвертого. Но на самом деле почти наверняка одновременно со мной. Кредитка «Виза» – точно крутой. Несколько визиток юристов, врача-офтальмолога и психолога. Кредитка на автозаправку. Все. Итак, картинка ясная, можно отправляться обратно.

– Бумажник я забираю. Ну и счастливо оставаться!

– А как же я? Мы? Что с нами будет? – Полынцев заглядывал в глаза с просто обожанием верной собаки.

– Господин Соков решит... Ах, елки! Чуть не забыл!

– Какие елки, ваше благородие?

– Часы сюда! Быстро! – Глазенки трактирщика тускнели, извините за каламбур, просто на глазах.

– Часы? – попытался валять дурачку Кузьма.

– С левой руки. И не вздумай врать, что их не было!

– Не врать Вадиму Федоровичу! – громогласно подключился к диалогу Тихон.

– Ах, это часы были... – залебезил кабатчик. – Сей момент!

«Сейко» появились из кармана Полинцева почти мгновенно. Хорошие часики, пригодятся. Я ни разу не чувствовал себя мародером – невыносимо взрослому мужчине чувствовать, что у тебя нет ни копейки. Нужна позарез хоть какая-нибудь местная валюта. Ведь не флягу же алюминиевую загонять аборигенам. Мало кто поймет ее ценность. А день-

ги нужны. Хоть просто для устранения комплекса пустого кармана.

– Ладно, живи пока и жди решения господина подполковника на твой счет. Пойдем, Тихон.

Тот в легком обалдении проследовал со мной до порога молча, но, как только мы ступили на двор, тут же запричитал:

– Ваше благородие, Вадим Федорович, неужели мы этих душегубов на свободе оставим? Прикажите только, я их мигом повяжу в лучшем виде.

– А есть у тебя на это право? А у меня? Мы кто, полиция? Нет уж, пусть решает твой хозяин.

– Так ведь сбегут же ж!

– Никуда они не денутся. Хозяйство свое корчмарь не бросит. Будет ждать как миленький. И слуг никуда не отпустит, иначе самому отвечать за все придется.

– Ой, и мудрите вы, барин... – пробормотал мой «ангел-хранитель», но возражать больше не стал.

Возница с робкой надеждой посмотрел на меня, когда мы приблизились к повозке.

– Успокойся, Михаил, сознались они, – успокоил я мужика, – их рук дело, не виноват ты. Давай поворачивай к усадьбе.

Надо было видеть, как расплзлось в улыбке лицо бывшего подозреваемого. Казалось, он сейчас проглотит свои уши.

– Ай, спасибо, барин! Век буду за тебя бога молить!

– Ладно уж, поехали!

Было заметно, что Тихона просто распирало от возмущения, но голос без разрешения он подать не посмел. Хотелось есть, хотелось пить и хотелось курить. Но последнее я себе позволить не мог со своими американскими сигаретами – зачем лишние разговоры, а все остальное ожидало в усадьбе. Оставалось только думать. О будущем думать.

Если попал я накрепко, то самым актуальным вопросом была грядущая война. И очень не хотелось, чтобы она была такой же кровавой, как в моей реальности. Во всяком случае, для России. Что я могу для этого сделать? Кое-что могу, но для этого в первую очередь нужна, как говорил незабвенный Остап Ибрагимович: «Легальность, легальность и еще раз легальность!» А где и как мне ее добыть? Не имею ни малейшего понятия. Пока только Соков-старший может мне в этом помочь.

Кстати, и то «кое-что», чем я могу помочь нашим в войне, ничего не решит. Динамит поможет уничтожить сотню-другую французов, йод – спасти несколько сотен моих соотечественников, так ведь это такая капля в море... Тем более что еще нужно суметь эту каплю в море капнуть...

Потихоньку дотащились до усадьбы. Подполковник не то чтобы встречал меня у ворот, но прохаживался по двору, явно ожидая известий. Видно было, что слегка нервничал.

– Ну что, выяснили что-нибудь?

– Выяснил, Сергей Васильевич. Убили этого человека в трактире, верстах в пятнадцати отсюда.

– Это у Кузьмы, что ли? А кто?

– Да он со слугами и убил. Потом отвезли подальше и в канаву сбросили. Не виноват ваш Михась, правду говорил.

– Да что же вы этих воров не связали и сюда не привезли? – Удивление Сокова граничило с возмущением.

– А у меня есть на это право – арестовывать? Я докладываю о результатах расследования вам – вам и решать, что делать дальше. Но не соблаговолите ли выслушать меня, прежде чем принять решение?

– Слушаю, – хмуро буркнул мой собеседник.

– Так вот: убийство, конечно, тяжкий грех. Но я приблизительно представил, что за человек был покойный. И то, что рассказал мне хозяин кабака Кузьма, почти наверняка правда. Этот человек пришел в трактир, чувствуя себя хозяином, и стал там распоряжаться. Грубо, смею вас уверить. Его, конечно, не поняли. Он стал избивать хозяина трактира и его челядь. Ну и получил кочергой по голове. За дело получил. Если бы не это, то он сам мог бы там убить или искалечить несколько человек.

– Ну, вы уж скажете! – Лицо подполковника выражало явное недоверие.

– Поверьте, это так. Я имел возможность узнать людей подобного сорта. Они ни в грош не ценят ни чужое мнение, ни чужую жизнь. И не испытывают никаких угрызений совести,

эту жизнь отнимая. Таких немного, но они есть, поверьте. И этот был как раз из таких. Только осмотрев содержимое его карманов, я уже подумал о чем-то подобном. Не спрашивайте почему – это очень долго объяснять, но рассказ Кузьмы только подтвердил мои подозрения.

– Вы говорите какие-то странные вещи. В это трудно поверить и еще труднее понять.

– Прошу вас: пока не пытайтесь понять, попробуйте просто поверить. Хотя... Решать, конечно, вам. Наказать трактирщика и его слуг, несомненно, нужно, чтобы неповадно было. Но отправлять на каторгу людей, защищавших свою жизнь и здоровье от обнаглевшего и самоуверенного хама, право, не стоит. Может, обязать их сделать крупное пожертвование на местный храм?

– Возможно, вы и правы. – Сергей Васильевич засомневался. – С час назад этого человека похоронили. А если обязать их... Хотя нет! Если правда то, что вы рассказываете, то пусть лучше действительно на храм. И... Пятьдесят розог, что ли, убийце впороть?

– Ну, можно и так. – Про снятые с трупа часы я пока упоминать не стал, а то старый вояка опять психовать начнет и забудет про свой временный гуманизм.

– Пойдемте обедать, Вадим Федорович, – неожиданно поменял тему помещик, – а то все скоро остынет. Очень вовремя вы вернулись.

– С огромным удовольствием, – улыбнулся я в ответ, –

давно уже в животе бурчит. А после, если вы не возражаете, я загляну к вашей дочери. Думаю, что сегодня она уже сможет вставать.

– Вы серьезно? Не рано? – на лице отца Анастасии читалось беспокойство.

– Если рано, то не разрешу – всего и делов. Но думаю, что молодой и здоровый организм успешно справляется с ядом.

Обед был простой, вкусный и сытный. Я чувствовал себя автомобилем, под завязку заправленным горючим: энергия распирала изнутри, и хотелось что-нибудь делать.

Анастасия чувствовала себя вполне прилично, и я, как и обещал, разрешил ей не только вставать, но и гулять на свежем воздухе. Под присмотром, естественно.

Потом поговорил еще раз с подполковником и попросил разрешения съездить на завтра к местному доктору, который мне был остро необходим для легализации и прорыва в хоть какие-нибудь верхи, чтобы я сумел приобрести пусть пока минимальные, но возможности влиять на события. А еще...

– Сергей Васильевич, вы, надеюсь, понимаете мое положение, я – никто. Вы, несомненно, можете отказать в моей просьбе... – Я замялся. – Я смогу спасти тысячи, если не десятки тысяч жизней русских солдат и офицеров в грядущей войне, но я не могу действовать как просто частное лицо без роду и племени. Если вы сочтете возможным как-то помочь мне обрести какие-то документы... Я, честно говоря, не совсем представляю, как это делается... Вы сможете мне по-

мочь?

– То есть я должен солгать? – пытливо посмотрел на меня Соков. – Лжесвидетельствовать?

– Я не знаю, как это назвать, Сергей Васильевич. Вы, разумеется, не обязаны для меня ничего делать. Решать вам. Мне оставить вас одного, чтобы вы подумали?

– Подождите. Можете конкретно объяснить, какую пользу вы принесете русской армии в войне?

– Только очень приблизительно. Я могу сделать взрывчатое вещество значительно мощнее пороха. С его помощью можно изготовить такие фугасы, которые при своевременном подрыве будут уничтожать вражеских солдат десятками. Я могу сделать некоторые лекарства, вернее, не сделать, а организовать их изготовление, благодаря которым огромное количество раненых достаточно быстро вернется в строй, а не умрет от антонова огня. Могу и еще кое-что, но мне нужно будет спокойно подумать и быть уверенным, что все, что я вспомню и придумаю, не пропадет всуе. А того, что я уже сказал, недостаточно?

– Пожалуй, достаточно. А можете мне хоть как-то объяснить то, что вы обещаете? Я понимаю, что с высоты вашего образования...

– Оставьте! Ни с какой не с высоты. Вы умный человек, а я знаю больше только потому, что учился именно тому, чему учился. Если вы мне поверите, то все прекрасно поймете. Вот смотрите: вы немало воевали, и наверняка многие ваши

солдаты умирали от незначительных ранений, так?

– Конечно. Очень обидно и жалко их было, но что поделаешь...

– Вы знаете о существовании микроорганизмов?

– Простите? Вы о чем?

– Достаточно давно был изобретен прибор – микроскоп. И с его помощью удалось рассмотреть, что существуют мельчайшие живые существа. Может быть, вы об этом слышали или читали?

– Нет, знаете ли. Не интересовался.

– Тогда вам придется мне поверить: антонов огонь, нагноения и многое тому подобное вызывают мельчайшие «животные», которые попадают в рану. Их невозможно увидеть глазом, они настолько же меньше комара, насколько комар меньше лошади. Но они есть. И именно они зачастую убивают раненого солдата. Достаточно же обработать рану раствором определенного вещества, и все они погибнут, не попадут в организм и не убьют раненого. Я понятно объясняю?

– Понятно. А вы знаете именно такие вещества?

– Знаю. Некоторые из них можно получить даже из цветов, растущих на вашей клумбе. А одно, самое эффективное – из золы морских водорослей. К тому же если это сделать поскорее, то новое простое вещество откроет русский химик, а не какой-нибудь там француз или англичанин.

– Аргумент, – усмехнулся помещик, – чтобы российская наука утерла нос Европе... Ну и солдат, умиравших в горяч-

ке, я помню. Вы обещаете, что такого не будет?

– Я обещаю, что сделаю все для того, чтобы такого не было. Но для этого меня должны услышать. И для этого я должен быть не просто бродягой. Решать вам, Сергей Васильевич.

– А вы еще сомневаетесь в моем решении? Ладно уж, съездим в Псков, к предводителю дворянства, засвидетельствую ваше происхождение. Выправим бумаги необходимые. Мое слово в губернии кое-что значит.

– Премного благодарен. Я прекрасно понимаю, что означает для вас этот шаг, но обещаю, что вы не пожалеете. Так я могу завтра съездить к доктору?

– Разумеется. Предупредите Тихона – он вам все организует.

...Этот день выпил меня до дна. Пришлось отказаться сопровождать Настю в ее первой прогулке, которую я ей разрешил. Хотя и самому чертовски хотелось побыть в обществе этой очаровательной девушки, но пришлось бы разговаривать, а на это я уже был категорически неспособен. Месяе Жофре, которому вздумалось пообщаться со мной на предмет фехтования, очень хотелось послать сразу и далеко. Но, вежливо сославшись на неважное самочувствие, я все-таки добрался до своей комнаты. Мгновенно нарисовавшегося Тихона я отправил за коньяком и, получив заказанное, со вкусом расправившись с двумястами граммами, завалился дрыхнуть, несмотря на то что солнце еще не зашло.

Из детектива в триллер

А вот визит к доктору пришлось отложить...

– Ваше благородие, Вадим Федорович! – вырвал меня с утра Тихон из объятий Морфея. – Беда-то какая!

– Что случилось? – пришлось сесть на кровати и протереть глаза. – Чего орешь, будто оглашенный?

– Трактир Полынцева спалили!

– Спалили? Именно спалили? Не просто пожар? – Я потихоньку возвращался в реальный мир.

– Как есть сожгли. И не спасся никто, – рассказывал, делая круглые глаза, мой слуга, – пять покойников на пепелище нашли – не могло так днем получиться...

Да уж, мне и самому в подобные совпадения не очень верилось: только мы с неопознанным трупом разобрались, как его убийцам «красного петуха» пускают. Да еще и с жертвами. Просто вендетта какая-то...

– Господин подполковник знает?

– Вестимо знает – ему первому доложили.

Так... Значит, предстоит мне еще один неприятный разговор.

– Где сейчас барин?

– У ворот был...

Вот ведь ексель-моксель! Ну что за невезуха – ведь еле-еле от предыдущего трупешника отбоярился! Подполковник

меня теперь точно местным ментам сдаст, чтобы головной боли не было. Нет, надо самому на амбразуру кидаться, с разбегу...

Наскоро одевшись, не позавтракав, побежал к Сокову.

– Я уже все знаю, Сергей Васильевич! – поспешил выпалить я, подходя к хозяину усадьбы.

– Доброе утро! – холодно поприветствовал меня помещик.

– Доброе утро, прошу простить мою невежливость. И понять, что это вызвано вестью о происшествии...

– А почему эта весть вас так взволновала? – Мой собеседник оставался совершенно спокойным.

– Ну как же! Ведь совсем недавно... Вы же сами знаете о том, что произошло в трактире. – Я чувствовал, что выгляжу все более и более глупо. И ненатурально. Переигрываю. Нужно успокоиться.

– Сергей Васильевич, в ваших местах часто находят непонятные трупы и горят трактиры? – попытался я перейти в наступление. – И чтобы одно за другим...

– Нечасто, – оборвал меня подполковник, – а путешественники из Америки, да еще члены тайных обществ при этом, появляются еще реже...

Ведь срезал! Умный мужик, как ни крути, да еще и быстро соображающий.

То есть мне теперь с нуля нужно строить правдоподобную версию. А я быстро соображать не умею. То есть умею, ко-

нечно, мгновенно реагировать на ситуацию, иначе не добился бы ничего на фехтовальной дорожке и не выжил бы на арене, но по срочному сочинять сюжеты... Нет, в буре никогда не играл и не собираюсь. Зараза! Но выкарабкиваться надо.

– Разумеется, я не считаю всю эту цепочку событий случайными совпадениями. Я из Америки, и тот покойник был одет по-американски. Причем так одеваются только для торжественных мероприятий. Его убили в трактире, а трактир сгорел вместе с его убийцами.

Спросите, как я могу все это объяснить? Пока никак не могу – нет информации. Но меня здорово беспокоит сложившаяся ситуация. Как и вас, наверное. Поэтому и хочу предложить свои услуги в ее расследовании.

– У вас есть навыки расследования преступлений? – удивленно приподнял брови Соков.

– Нет. Но, смею надеяться, умею разбираться в причинно-следственных связях. Прошу вас, Сергей Васильевич, помочь мне выяснить истину в сложившейся ситуации.

– Может, все-таки поделитесь своими мыслями по этому поводу?

– Извольте: тот, кого нашли мертвым, был здесь не один. Возможно и вполне вероятно, что вместе с каким-то достаточно близким человеком. Другом или братом. А может, даже и с женой. Это, скорее всего, месть.

– Вы хотите сказать, что поджог устроила женщина?

– Вполне это допускаю. Но выдвигать конкретные предположения еще очень рано. Нужна информация. Вы позволите мне заняться ее сбором?

– Будет достаточно, если я только позволю? – Подполковник позволил себе обозначить подобие улыбки.

– Нет, разумеется. Мне понадобится и ваше содействие.

– В чем оно должно выражаться?

– Прошу вас выделить мне в помощь человека, хорошо знающего местные леса...

– Почему именно леса?

– Ну не в деревне же обитает тот, кого мы ищем. Не попросился же он на постой к кому-то из ваших крестьян.

– Логично, но ведь лесов у нас в округе... Вам их за всю жизнь не прочесать, Вадим Федорович.

– И не собираюсь. Зачем все леса? Только те места, где есть пресная вода поблизости. Я не прав?

На самом деле все было еще проще: ключи от «мерса» в кармане моего современника подсказывали, что прибыл он сюда на машине. Почти наверняка на «уик-энд», как и я. Может, на рыбалку, может, на шашлыки, но остановился возле какого-нибудь водоема, это к гадалке не ходи. Причем, с высокой степенью вероятности, там должна быть некая «купалка», то есть место, где можно не только мяско на углях поджарить, но и вспотевшее тело в прохладной влаге побаловать...

Блин! Так ведь они, вероятно, и не вдвоем приперлись:

либо с парой девок, либо с приличной компашкой мужиков (романтическое уединение двух гомосеков я отмел сразу, вспомнив наколку на ладони трупа – не вяжется такое с сидевшим).

Итак, варианты.

Первый. Мужчина с женщиной. Женская месть за своего любимого... Маловероятно, но имеет право быть версией.

Второй. Два мужика. Зону топтали, вероятно, оба. Приехали оттянуться с девками.

Вполне себе вероятный вариант. Но для меня совершенно кошмарный – еще и с этими жрицами любви разбираться...

Третий. Мужская тусовка. Скорее всего, вчетвером-пятером...

Еще хуже – наверняка братки или урки. Нет, я ничего не имею против тех, кто сумел устроиться в жизни. Тот же Витька (чтоб ему икалось до самой астмы) был нормальным человеком: умным, оборотистым... Я ему в свое время если и завидовал, то по-белому...

Молодец, мол, мне так не суметь... До самой арены... Хотя он ведь меня и тут выручил. Не фиг на других свое поганство списывать. Сам согласился убивать за деньги...

В общем, проехали.

И снова в тему: самый поганый вариант – «пацанье» гуляло. И в этом случае трындец тебе, Вадим Федорович. Если обнаружишь их место дислокации. Порежут тебя там на ломти, и в землю закопают, и надпись «напишут».

А оружия у тебя с собой – ножик рыбацкий и гарпун от подводного ружья.

Даже если совсем врубить идиота и расхаживать по местным лесам с тем самым подводным ружьем наперевес, не может...

– Рациональное зерно в ваших мыслях есть, – прервал мое внутримозговое словоблудие Сергей Васильевич. – Какой помощи вы ждете от меня, кроме того, что я вызову лесника вам в пособление?

– Хотелось бы иметь при себе кое-какое оружие...

– Пистолеты или ружье?

– Лучше шпагу или саблю...

– Так шпагу или саблю?

– Шпагу.

– Станный выбор. – Подполковник посмотрел на меня с удивлением и некоторой толикой уважения. – Передам оружие Тихону. А пока, позвольте пригласить вас на завтрак.

Оставалось только поклониться и проследовать за хозяином здешних мест.

Завтрак не лез в глотку категорически. Чуть ли не давился кашей, чтоб ее... Я и так с утра не особо до еды охоч – максимум яичницу могу употребить, а так вполне бутерброда с чаем достаточно. А сегодня мысли ни в коей мере пищеварению вообще и питанию в частности не способствовали.

Сыщик я, конечно, тот еще... Особенно в незнакомой сельской местности. Даже если мне в помощь отрядят мест-

ного лесничего, то этот пасторальный персонаж вряд ли будет серьезным помощником при встрече с братками – он не волкодав, как, впрочем, и я.

Даже общество очаровательной Анастасии за столом совершенно не улучшало моего настроения. Благо, что девушка не стала приставать ко мне с разговорами. И Алексей воздержался.

За что им обоим мое большое человеческое спасибо...

...Тихон молча выложил передо мной шпагу и пару пистолетов. Вот на хрена, спрашивается, мне сейчас кремневые пулялки, коими пользоваться не умею совершенно?

– Зарядил?

– Так точно, ваше благородие, только пороху на полку насыпать, и палите в свое удовольствие.

Вот паразит! Типа я сильно знаю, где эта самая «полка»... Хотя разберусь, наверное: явно где-то под ударным механизмом. Ну, то есть в районе кремневого замка.

– Ладно, иди. Сообщи, когда лесничий придет.

– Не извольте беспокоиться, барин. Как только прибудет, сообщу незамедлительно.

Слуга испарился, и появилась возможность спокойно обдумать сложившуюся ситуацию.

Вряд ли место стоянки визитеров из моего настоящего находится на берегу реки: там бы их давно засекли и растрезвонили об этом на всю округу. Почти наверняка лесное озеро. Именно в этом направлении и нужно озадачить абориге-

на здешних мест. Причем озеро максимально скрытое. Но не очень при этом отдаленное, раз уж фигурант поперся вискаря для опохмела искать и на трактир Полынцева вышел. Явно где-то неподалеку...

...Ворон здешний никак не вписывался в образ, который я себе нарисовал. Абсолютно не старик с бородой до колен, в невыразимом балдахоне светло-серого цвета... Совершенно напротив – мужчина моих лет, в синем полукафтани, чернявый и с ружьем, а не с луком, как я опять же ожидал. Зовут Петром, все нормально, и с таким вполне можно нормально взаимодействовать...

Соков отрядил в наше распоряжение свою коляску, и мы тронулись в направлении сгоревшего двора Полынцева.

Я немедленно стал выяснять обстановку у местного старожилы:

– Озера с красивыми берегами в окрестностях сгоревшего трактира имеются?

– Так и не одно, – с удивлением посмотрел на меня лесничий, – почитай с пяток рядышком с пожарищем найти можно. А вам какое угодно?

Вот ядрен-макарон! Мне еще и выбирать?

– Самое ближайшее для начала. Но чтобы там можно было...

Блин! Как ему объяснить про место для пикника? Выезжают у них на подобные мероприятия?.. Ох, етиолапоть! Во кретин! Сыщик гребаный... Место для пикника он ищет!

Это первый фигурант, значит, поехал на природе оттянуться... Костер развести, пивасика бухнуть, шашлычки пожарить, в палатке с девочками поваляться... В костюме-то! Самый тот наряд для мероприятия... А с утра поперся вискаря для опохмела раздобыть... Ну и чмо ты, Вадим Федорович, развел тебя трактирщик, как ребенка. Да и сам хорош, уму непостижимо, как я про костюм не вспомнил, когда с умным видом подполковнику про район поисков излагал. Да и версия с местью уже по швам потрескивать начала...

– Так что можно-то, барин? – прервал мое самобичевание лесник.

– Погоди. Помолчи пока. Мне подумать надо. Не на озеро пойдем.

– Эй, – крикнул я вознице, оставив без внимания вопрос Петра, – давай к сожженному трактиру!

– Как скажете, ваше благородие, – отозвался тот с козел. Поехали...

Итак, черновая версия: ехала наша парочка явно из цивиличного места в цивилинное место. Каким образом они там «провалились» в девятнадцатый век, пока не важно. Увидели трактир, подумали, что заведение стилизовано под старину, и, вероятно, решили то ли передохнуть, то ли переночевать. То, что трактирщик плел про утренний визит, стоит приблизительно полкопейки. Значит, более чем вероятно, что и на постоялый двор закатили прямо на машине, не подозревая о наличии того западла, что с ними приключилось.

Далее: что там произошло в трактире, совершенно непонятно. Теперь уже абсолютно не верилось в рассказ Полынцева про оборзевшего уголовника. Это в прошлый раз на меня наковка впечатление произвела, я и повелся, как последний лошара... Хотя, может, частично это и было правдой – теперь судить сложно.

Второго, вероятно, повязали, но потом он каким-то образом вырвался и устроил местным козью морду...

Что характерно: машина вполне могла находиться где-то поблизости, даже когда мы наносили визит и я «колол» хозяина постоянного двора.

В общем, пока информации недостаточно, сначала нужно прибыть на место...

...Вот это действительно называется «сгореть дотла», только остатки печи возвышались над поверхностью земли, да практически вровень с ней лежал слой пепла вперемешку с каким-то негорючим мусором. То же можно сказать и обо всех хозяйственных постройках вокруг. Да и неудивительно: если загорелся деревянный дом и пожар не задавили на ранней стадии, ничего не останется. И не погасить уже – просто не подойти с ведром ближе, чем на пятнадцать-тридцать метров. Такая стена жара стоит, что никакой волей не протолкнуть организм сквозь нее.

Вся растительность, включая траву, в радиусе метров пятидесяти уже неживая. И искать какие-то следы во дворе, прилегающем к бывшему трактиру, бесполезно. Единствен-

ное, что очевидно – машины во время огненного буйства поблизости не находилось. Уж от нее хоть какой-нибудь остов да сохранился бы.

Побродив для очистки совести по тому, что ранее являлось приютом для путников и ничего не найдя, вышел на проезжую дорогу. Нужно осмотреть хотя бы ее...

– Петр! Пойди сюда! – позвал я лесника.

– Слушаю, ваше благородие, – достаточно лениво и в то же время бодро отозвался, приблизившись, местный лесовик.

– Поищи-ка на дороге необычные следы.

– Это какие? – удивленно вылупился на меня мужик.

Вот елки! Как ему след от протектора нарисовать?

– Да любые, каких ранее никогда не видел. Не человечесьи, не звериные... Как бы от колес, но с особым рисунком.

– С каким?

– Ну не знаю я пока! – Зла на этого зануду не хватает. – Любой непривычный след увидишь – зови. Договорились?

– Как скажете, барин...

Разошлись мы с ним в разные стороны от ворот, и побрел я по проезжей дороге, внимательно вглядываясь в поверхность планеты. Да уж! Это вам не следы «КамАЗа» по сырой глине выискивать – тракт был утрамбован очень даже плотно.

Ну а вдруг? Ведь местами следы копыт на дороге читались...

«Поздравляю тебя, Шарик, ты балбес!...» – в очередной

раз высказал я комплимент своему интеллекту, попытавшись даже внутреннему голосу придать интонацию на все времена любимого кота Матроскина.

Ведь ключи от машины в кармане убитого были! Как второй машину завел?

Нет, я, конечно, слышал о том, что можно что-то там раскурочить и, замкнув провода накоротко, обеспечить зажигание. Или они оба были такими близкими братами, что сделали дубликат ключей... Или приехали на машине одного, а у второго просто ключики от своей в кармане были...

Ой, белыми нитками шито!.. Непонятка на непонятке...

Да и не могли местные не заметить шныряющую туда-сюда «колесницу». И при этом не заполнить всю округу рассказами о столь невероятном происшествии.

Ох, хреновый из меня Пуаро, да и Мегрэ неважнецкий!

Занимаясь самобичеванием, я тем не менее продолжал машинально осматривать дорогу. И не зря – вот он, след покрышек автомобиля. Не очень хорошо различим, но не спутаешь с какими-нибудь другими отпечатками на тракте. Точно – оно!

Только вот направления движения все равно не определить – сюда ехали или отсюда...

Свистнул Петру, и тот немедленно поспешил ко мне.

– Вот такие следы видел?

– Извиняйте, ваше благородие, – озадаченно посмотрел на отпечатки лесник. – Ни сейчас, ни когда раньше. Чудные-то

какие!

– Вот теперь знаешь, что искать. Иди и внимательно осмотри дорогу со своей стороны.

– А и смотреть нечего. Не было там такого – уж я бы не пропустил.

Оставалось только поверить наметанному глазу лесника. Да и с логикой это вязалось: чем гнать в неизвестность, наш подопечный почти наверняка захотел вернуться туда, откуда выехал: вдруг повезет и выбросит обратно в свое время...

Но «пациент» вряд ли дурак и всерьез на такое рассчитывать не будет – наверняка свернет где-нибудь поскорее и затихарится.

А если нет, проблемы обеспечены как мне, так и всей России: ладно, если он на своей «дьявольской колеснице» несколько крестьян в ступор уронит. А если какой-никакой полк на марше встретит? Даже напрягать фантазию не хочется на предмет возможного развития событий...

К тому же, как там у него с горючкой, тоже непонятно. Остается надеяться, что свернул с тракта при первой возможности.

– Значит, так, Петр, следуем по дороге в этом направлении и осматриваем любой съезд с нее. Ищем на примыкающих дорожках подобные следы. Понял меня?

– А чего ж не понять – дело нехитрое. Поехали, что ли? Ну и поехали.

– Когда будет ближайший поворот? – обратился я к лес-

нику.

– Я, простите великодушно, больше по лесу, – замялся местный следопыт, – но вроде версты через полторы будет хутор Еремея, так что туда дорожка наверняка имеется.

– Вот ее и осмотрим в первую очередь. Те следы, что видел, на ней разглядишь?

– Об этом можете не сомневаться, ваше благородие – как есть увижу.

Ну и ладненько, будем надеяться, что наш «подследственный» не сквозанул по дороге в неопределенные дали, а решил где-нибудь пристроиться на первое время.

Следы на съезде с тракта обнаружились. То есть не стал испытывать судьбу мой одноклассник и решил то ли отсидеться на хуторе, то ли переждать на нем «катаклизм», а может, еще что-нибудь взбрело в его буйную голову... Будем разбираться.

Коляску оставили у дороги и отправились с Петром по направлению места проживания хуторян.

Дом был виден еще с дороги, до него идти метров триста – триста пятьдесят. Недолго. Но и нас в случае чего разглядеть нетрудно – наверняка уже ждут. Ждут и судорожно прокачивают ситуацию (я не о хозяине, разумеется, а о моем современнике).

– Семья у этого Еремея есть?

– А то как же – супруга и две дочери.

Это хреново. Если хуторянин приезжего сразу не оглоу-

шил, то запросто могут начаться игры в заложников со всем отсюда вытекающим.

Судя по всему, к этому и идет – нам навстречу вышел мужик, совершенно сбледнувший с лица. С виду мужик и мужик себе: коренастый, бородатый, лет сорока-пятидесяти.

– Здоровы будьте, барин, – поклонился мне хозяин дома, – с чем пожаловали?

– Семья твоя где?

Не, ни фига он не актер – физиономию так и перекорежило от страха.

– В город уехали, к бабке. Захворали доченьки...

– Хватит врать! – совсем по-барски оборвал я неуклюжую попытку вранья. – Он один?

– Кто один, ваше благородие? – На лице мужика нарисовалось совершенно черт знает что: смесь попытки продолжать свою бездарную игру с совершенно животным ужасом.

– Тот, кто пришел в твой дом и держит в страхе твою семью. И тебя тоже. Лучше говори, я все равно узнаю, что здесь происходит. Ну?

– Не погуби, барин! – на глазах у пожилого мужчины показались слезы, а лицо сморщилось просто до состояния высушенной груши. – Порешит ведь и жену, и дочек...

– Не беспокойся, можешь даже в сторону не отходить – я отсюда с ним поговорю, только не мешай и Расскажи, как он к вам заявился. На колеснице невиданной?

– Какой такой колеснице? – слегка прибалдел абориген. –

Ворвался грязный и злой. Стал шпагой размахивать... А что за колесница?

– Не твоего ума дело, – не без труда для себя отшил я неудобный вопрос, совершенно, как мне казалось, по-барски.

Далее последовал вполне предсказуемый и ожидаемый рассказ о том, как варнак, угрожая шпагой, загнал всех жителей хутора в избу. Потом отправил в подпол и чем занимался все это время, Еремею неведомо: его только что выпустили, чтобы незваных гостей спровадить...

– Женщины все еще в подвале сидят?

– Точно так. Злодей грозился их сжечь, если я вас от двора отвернуть не смогу... Делать-то что, барин?

– Тебе – ничего. Мне не мешать. И будут твои бабы живы-здоровы. Понял?

– Да куда уж понятнее. Только вот все-таки сомнительно мне...

– А ну, заткнись! – прервал я бляенье хуторянина. Мне и без его дудения в уши проблем хватает...

В общем, как ни думай, а необходимо начинать диалог с «террористом».

– Эй, киднеппер хренов, отзовись! Поговорить надо.

Ответа не было секунд двадцать. Переваривал, паразит, неожиданную вводную с «киднеппером».

Но решил проблему остроумно:

– Это кто там гавкает?

Правильное решение. Внесем ясность:

– С тобой, свинья, не гавкает, а разговаривает капитан Жеглов... Продолжать или все понял?

Пауза.

– Ты в самом деле мент, что ли? – донеслось наконец из избы.

– Нет. Нет здесь ментов. Выходи давай, поговорим спокойно, обсудим ситуацию. Только женщин там не трогай, ладно?

– А гарантии какие? – донеслось из дома.

– А какие, к едреням, гарантии? Ты в самом деле думаешь, что я тут суд вершить имею право? Но то, что я здесь твой единственный шанс – это точно. Выходи, надоело орать уже.

Пауза. Понятное дело – подумать надо о возможных моих подлянках и обезопаситься по максимуму. Можно понять – больно уж негостеприимно встретил человека девятнадцатый век...

– Через десять минут выйду, – донеслось наконец из дома. – Только без фокусов там – хуже будет.

– Жду! И еще раз: постарайся поверить, что зла я тебе не желаю. Может, отпустишь женщин?

– Хренушки! Они моя единственная страховка.

Во дурак! Совершенно не въезжает, в каком времени находится. Представители властей положили бы на жизни крестьянок с прибором... Террорист, блин, недоделанный...

Местные следили за нашим диалогом в состоянии полной

прострации. С полуобморочным Еремеем все понятно, но даже лесник слегка ошалел, слушая обороты конца двадцатого века во времени нынешнем.

– Эй, вы! – обратился я к мужикам. – Когда он выйдет, отойдите от нас подальше, не мешайте разговаривать.

Петр молча кивнул, а земледелец не преминул снова начать причитания...

– Успокойся! Сделаю все, чтобы твоих баб выручить и дом сохранить...

Тут как раз скрипнула дверь, и выглянул мой потенциальный собеседник.

– Отойти всем к забору!

Мы послушно отступили. Парень опасливо вытек из-за створки и, на пару секунд повернувшись к нам спиной, что-то поколдовал, закрывая вход в избу. Повернулся.

Высокий, ладный, ловкий. Длинные светлые волосы собраны в хвостик. Серые, в разводах грязи брюки, черные туфли, белая когда-то рубашка. То есть прикид приблизительно тот же, что и у получившего кочергой по голове в трактире.

Шпагу, пока возился с дверью, держал под мышкой, но теперь, приближаясь к нам, перехватил в правую руку.

– Ну, ты, что ли, поговорить хотел?

– Я. Отойдем?

– Давай, – указал мой современник шпагой на угол сарая...

Оба-на! А ведь оружие держит умело! Как шпагу, а не как дубину. Случайный человек так ни в жизнь не сумеет. Клинок был продолжением его руки и составлял единое целое со всем телом. Мне, увидевшему только одно движение вооруженной руки, это было сразу понятно.

А учитывая процент фехтовальщиков среди населения России конца двадцатого века (ноль целых хрен десятых), это уже наводило на определенные мысли по избирательности переноса: в моем времени держать шпагу в руке умеет, хорошо, если один человек из десяти тысяч, а тут встретились двое, и оба умеют... Хронодесант фехтунов какой-то.

К сожалению, уже не осмотреть указательные пальцы покойника – весьма характерная мозолька должна иметься...

– Ты пистолетики-то из-за пояса вытяни и брось куда-нибудь – не нервируй меня, – начал парень слегка подрагивающим, но уверенным голосом.

– Да запросто. – Я вытащил оба пистоля и бросил их на землю.

– И шпажку тоже.

– Перебьешься.

– Все равно ведь тебе она не поможет...

– Вот и ладушки. Не поможет, так и не волнуйся. Давай по делу уже. Из какого года сюда приземлился?

– Девяносто шестой. А ты?

– Аналогично. Слушай, нервно как-то. Что ты там с бабами в избе удумал? Давай без этих дурацких игр в заложни-

ков, а? Я подожду, а ты сходи разминируй свою затею, ладно?

– Ну да, а ты мне потом в спину шмальнешь...

– Ну, ты вообще дурак? Какой мне смысл тебя грохать? Сам не понял, что нам друг друга держаться надо? И я тебе, кстати, нужен больше, чем ты мне.

– Вот именно. Я тебе, судя по тому, как ты упакован, вообще не нужен – ты и без меня неплохо устроился.

На самом деле он прав. Его появление здесь для меня та еще головная боль. Надо ведь придумать, как его перед подполковником отмазать... Но ничего, напрягусь. Только бы этот псих дров не наломал... То есть, конечно, не псих он, но наверняка в совершенно невротическом состоянии на данный момент находится. И не первый денек.

– Хорошо. Но я могу быть уверен, что твоя «бомба» в доме контролируема? Что не полыхнет-долбанет раньше времени?

По выражению лица оппонента понял, что особой уверенности в надежности своей конструкции тот не имеет. Надо дожимать:

– Не мог ты что-то надежное за десять минут сварганить. Душевно тебя прошу: не губи женщин по глупости и неаккуратности. Нельзя «на коленке» надежную мину сбацать.

– На эту тему базара нет. Что ты можешь мне предложить?

– Пока ничего конкретного. И мне особенно плохо думается, когда я знаю, что три бабы могут вот-вот взлететь на воздух. Давай все-таки разрядим обстановку.

– Облезешь. Имеем то, что имеем. Твои предложения?

– Ладно. Никаких предложений пока нет. Говорю тебе об этом честно – может, оценишь. Но обещаю что-нибудь придумать, чтобы перевести тебя из состояния затравленного зверя в какое-то более комфортное. Для начала: как ты здесь оказался? Меня Вадим, кстати, зовут.

– Андрей. Не знаю как. Ехали с Игорехой в Псков. Ночью. Пора заправляться было, но ни одной колонки по пути... Под утро добрались до этого гадючника, решили хоть пожрать да отоспаться, и нате вам: ему кочергой по кумполу, а меня кулаком в ухо и в подвал... Сссуки!

– А с чего бы так негостеприимно?

– У них спроси.

– У них, пожалуй, спросишь после твоего файер-шоу...

– Ну и отлезь с этим. – Парень явно нервничал сверх меры. Нет, я тоже был весь на «ускоренных нейронах», но упоминание о придорожном трактире моего собеседника однозначно заводило. – Ты сам-то как здесь очутился? Устроился, как я погляжу, неплохо.

– Во время рыбалки попал. С ночевкой которая. А устроился... Повезло, наверное. Принял меня один здешний помещик. Навешал ему лапши про путешествие из Америки. Вы вот тут некстати объявились... Но я тебе помогу. Не знаю еще как – над этим надо подумать спокойно, в отсутствие заминированных женщин. Убери свои сюрпризы в избе, ладно?

– Ладно. Куда машину-то дел?

Ухтыепсть! Мозги ничего сообразить не успели. Сработали исключительно рефлексy: глаза увидели – ноги прыгнули. Организм в доли секунды перенес своего обалдевшего хозяина на полметра назад и взметнувшийся клинок не разрубил мое горло.

– Совсем офонарел, придурок?! – успел рявкнуть я, хватывая свою шпагу и сбрасывая перевязь с ножами. – Ты чего укурился? Брось клинок!

– Да прям! – хищно ослабился мой визави. – Брошу и руки подыму. И ты меня сдашь в местную кутузку. Или у тебя другие варианты имеются?

Кончик его клинка нацелился мне в корпус, грамотно нацелился – точно умеет оружием владеть. И стойка неплохая... Почему я его не узнаю? Всех приличных фехтовальщиков России и даже стран, бывших когда-то в составе СССР, знаю в лицо – этого же не встречал ни разу. Точно.

Эть! Прямой выпад, рассчитанный на лоха. Я даже «четверку» брать не стал, просто шагнул назад. И тут же с батманом по его клинку обозначил атаку. Обозначил. Но он понял. Понял и убрался с опасной дистанции очень шустро. Что-то умеет все-таки, паразит. Почему я его не знаю?

– Угомонись, а? – очень не хотелось его ранить или тем более убить. – Уже понял, наверное, что меня просто так не взять. Втыкай шпагу в землю, и поговорим спокойно.

– Хрен тебе по всей морде, – спокойно и зло ответил Ан-

дрей или как его там на самом деле. – Сам знаешь, что никакая ты мне здесь не «крыша». А вот «тачка» тебе очень пригодится. Не пальцем деланный, понимаю.

Кончик его клинка продолжал смотреть мне в грудь – расслабляться нельзя.

– Дурак ты. Твой автомобиль здесь совершенно не в касу. В ближайшем болоте утопить, чтобы не мешал устроиться в этом мире. А я тебе ничего не обещаю – почти такой же «никто», как ты, – батман-выпад-ушел. – Постараюсь помочь. В это веришь?

– А мне по барабану твои обещания...

Ух ты! Чуть не словил в атаке! Но остановился вовремя, хотя при желании я бы его уделал в этом фрагменте запросто.

– Ты где фехтовать-то научился?

– А ты где?

– Да вроде мастер спорта. Может, все-таки шпагу в землю? Все понял? Тебе не светит, Андрюха. Раз пять тебя уже проткнуть мог. Сдавайся, сдаться мне – не стыдно. И поговорим нормально...

Флешь... Или атака броском. Мой любимый прием в боях. Но эту неотразимую атаку нужно уметь подготовить... Этот не умел. Попал, естественно, в защиту. Отвечать на убой я пока не стал, просто пропустил его себе за спину и развернулся.

– Все понял?

– А чего тут понимать? Я вас таких на арене не одного

уложил. Имел я в виду ваши понты. И ты без пяти минут труп.

Оба-на!.. Он тоже с арены?

Но сейчас не до этого.

– Не стреляаать! – заорал я Петру, поднявшему ружье, когда мой партнер по спаррингу оказался развернут к нему спиной

– Не доводи до греха, а? Не хочу я тебя резать. – Это я уже к своему супротивнику. – Ты где шпагу в руках держать научился, кстати? Я ведь всех серьезных фехтовальщиков знаю, а тебя – нет.

– Актер я, – выцедил сквозь зубы мой соперник, – нас этому учили. Напрасно считаешь, что несерьезно учили.

Это он зря. Сценическое фехтование, конечно, отстой полный, но только по сравнению с настоящим спортивным. И то от вида оружия зависит – какого-нибудь саблиста этот бывший актер, может быть, и сделал бы... Спасибо за информацию, но убить я его и так мог уже раз несколько... Не хочу, блин!

– Успокойся, а? – Я в очередной раз показал клинком на землю. – Нет у тебя шансов против меня.

Зря я клинок с линии угрозы отвел – немедленно воспользовался, паразит. Тут же атаковать рванул. Да еще и с ожиданием возврата моей шпаги в боевую позицию: попытался слить атаку с ударом по предсказуемой траектории движения моего клинка... Фигушки! Пальчиками, конечно переводы

таким оружием делать затруднительно, но кистью – вполне себе. Я сблизился, убрав оружие из-под контакта, и мы оказались чуть ли не лицом к лицу. Для острия оружия противника мое тело было уже недосягаемо, поскольку этому сценическому фехтовальщику требовалось не менее секунды, наверное, чтобы снова попытаться угрожать моему организму...

Ннна! Чисто в мушкетерско-киношном стиле врезал я гардой по физиономии соперника. Будь тот в маске, мне бы, наверное, рефлексy не позволили такое хамство в отношении противника, а так – ничего, получилось. И, надо сказать, весьма смачно получилось, его ведь несло мне навстречу со всей возможной скоростью выпада, да и я себя не сдерживал. Не сломал ли челюсть дураку упертому?

Бывший актер и нынешний террорист на ногах устоял. Отскочил, выплюнул кровь (а может, и пару зубов – я не разглядывал), несколько секунд приходил в себя, а потом снова стал в стойку. Разойтись миром явно не получится. Да и мне уже расхотелось.

Он мне кто, в конце концов? Одновременник, не более. Причем из тех, к кому спиной поворачиваться нельзя – немедленно какую-нибудь заточку всадит. Оно мне надо? К тому же его еще необходимо было бы перед подполковником отмазывать, легенду какую-то придумывать. И заради чего? Да пошел он!

Причем запросто способен мне в пузо железо организо-

вать — и второразрядник случайно вполне может зацепить мастера сдуру. И будет отнюдь не легче от того, что я его тоже уделал... Все! Работаем аккуратно и на убой.

Как-то в армии, не помню, по какому поводу, мой комвзвода (бывший боксер) рассказывал: в боксе, проигрывающий по очкам зачастую делает ставку на нокаут (а что ему остается?). И это обычно очень хорошо заметно противнику, если тот имеет кое-какой опыт боев. Обычно номер не проходит, но последний шанс — он и есть последний шанс...

Мой явно стал готовить атаку «ва-банк». Разговоры прекратили оба, чувствуя приближение кульминации боя.

Что я ему сделал? Чем мешаю?

Да просто своим присутствием, наверное. Вряд ли этот несчастный ощущает во мне конкурента, но уж если я его нашел в такой ситуации... Неа, не отмазать этого парня. Светит ему однозначная каторга на весьма немалый срок. Сообщает он, кстати, получше благодушного меня...

Пошел актер в атаку. Уже совершенно по-глупому пытаюсь сбить ударами мой клинок с линии, упирающейся в его грудь.

Пара шагов назад, чтобы провалить соперника, перехват в «круг-шесть»... Вот и все: если взята защита, то рефлекс требуют дать ответ в приблизившееся туловище противника. Что и было сделано: мой клинок заскользил по его, гарда неумолимо отклоняла угрожавшую мне сталь, и шпага, врученная подполковником, неотвратимо пробила грудь

бывшего актера, бывшего бойца арены и нынешнего террориста...

На его лице, умирающем лице, читались исключительно ненависть и что-то очень похожее на непреодолимое желание уволочь меня вместе с собой в края счастливой охоты.

Оттолкнул соперника невооруженной рукой, контролируя тем не менее ситуацию – вполне может на последних вздохах полоснуть сталью по столь родному мне организму. На фиг, на фиг...

Стоял и смотрел, как в этом чужом времени умирает человек из времени моего... Откуда у него такая неприязнь и неверие? Не верь. Не бойся. Не проси? Человек человеку волк? Не верится. Актер все-таки. Интеллигент, хоть и бывший. Чего вдруг в бутылку полез на свою голову?

А я тоже хорош: только-только закончил убивать в своем мире, но визит в новый опять-таки начал с убийства. Что за карма такая?

От самокопания меня отвлек топот лаптей хозяина хутора...

– Не смей трогать дверь, дурак! – только и успел я крикнуть.

Внял. Тормознул. Но не въехал:

– Как же так, барин? Ведь там бабоньки мои...

– Вот и не дергайся, пока я не разрешу, если хочешь их живыми увидеть. В подполе они, говоришь?

– Истинно так.

- Чем крышка прижата?
- Так не ведаю. Столом, наверное.
- Понятно. Постой тут, пока я не позову.

Угу. Что-то вроде этого я и ожидал: закрытой дверью защемлен кончик веревки. Причем синтетической, значит, кое-что у него с собой имелось. Машина, вероятно, где-то недалеко. Странно, что хуторянин о ней ничего не сказал.

Так, что за адскую машину пациент успел сварганить из подручных материалов? Вряд ли граната: раз у него пистолета не было, то странно ожидать наличие более серьезного снаряжения... Скорее всего, канистра с бензином... Ставится в наклон, удерживается натянутой, переброшенной через что-нибудь веревкой, ну и свечка зажженная неподалеку. Попытался представить процедуру установки – стремно. Но больше никаких вариантов не придумывалось.

– Эй! – крикнул я хозяину дома. – Загляни в окно, что видишь?

- Так не видно ничего, – донеслось в ответ через минуту.
- Вырежи пузырь.
- А без этого никак?

Во куркуль! У него там жена с двумя пацанками, а он копейки считает!

Окошко маленькое, не пролезть, но разглядеть внутреннюю обстановку вполне себе можно.

Глаза потихоньку привыкли к полумраку помещения.

Небогато живут хуторяне: стол, действительно стоящий ножкой на люке, пара лавок, печка, кровать... Ничего криминального и угрожающего дому неприятностями не видать. Может, в сенях? Но там окна нет. Ладно.

– Гвоздь и молоток имеются?

– Найдутся, – ошалело посмотрел на меня абориген, – а зачем?

– Тащи давай! – не стал я заниматься разъяснениями.

Аккуратненько приколовив кончик веревки к косяку, отогнал хозяина и Петра на относительно безопасное расстояние. Ну что же: если покойник меня перехитрил – конец местным бабам, а может, и мне заодно...

Толкнул дверь. Открылась. И ничего.

То есть ничего и быть не могло – просто кусок веревки, защемленный дверью. Блефовал наш подопечный.

А ведь с меня столько потов сошло... Ну, зараза!

На всякий случай осторожно прошел в дом, внимательно осмотрел стол, опирающийся на крышку люка в подвал – вроде ничего подозрительного.

– Эй, внизу! – Это я уже открыл выход из подпола. – Сами выйти сможете?

В ответ – испуганное шушуканье. Да ну его к бесу – я им психолог-реабилитатор, что ли?

Позвал Еремея – пусть сам со своими бабами разбирается – и снова вышел во двор.

Теперь машина – геморрой на мою голову. Куда парень

эту жестянку заховал, и что мне с ней делать? И чего эта груда штампованного железа в трактире не сгорела? Насколько меньше проблем было бы!..

Из избы вывалило слегка ошалевшее, но вроде счастливое семейство. Ниче так жена у Еремея – не в моем, правда, вкусе – крупновата, но вполне себе интересная женщина для своих лет. А девки мелкие совсем, я, честно говоря, ожидал на выданье, судя по возрасту самого хозяина, ан нет – лет восемь-двенадцать...

Крестьянин, а за ним и все семейство бухнулись передо мной на колени и стали с причитаниями биться головами о планету. Среди всего этого вяканья и бормотания можно было разобрать только общий смысл: «Спасибо, барин! Век за тебя молиться будем!..»

Короче:

– Еремей! Встань и подойди!

– Слушаю, ваше благородие! – немедленно нарисовался, как лист перед травой, мужик. Невооруженным глазом было заметно, что самое заветное его желание – спровадить нас поскорее со двора. Хренушки!

– Покойника мы заберем...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.